

Читайте:

4 Елена ПИМКИНА: С фотоаппаратом по России	17 Екатерина МОРДОВСКАЯ: Мой брат Иона
6 Среднерусский институт управления: Познавательная и насыщенная жизнь	20 История с географией: Тверские впечатления
8 Княгиня М.К. ТЕНИШЕВА: Впечатления моей жизни	22-23 Новые имена: Элина СУХОВА, Дана КУРСКАЯ
14-16 У нас в гостях поэты из Нижнего Новгорода: Е. ЭРАСТОВ, Д. ЛИПАТОВ, Г. ТАЛАНОВА	26 Геннадий МАЙОРОВ: Засекреченная война

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9

Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

Уже вовсю наши граждане готовятся к встрече Нового года, втайне желая благополучия и здоровья себе и своим близким. Но мало кто знает об истории зарождения этого праздника...

Невозможно доподлинно установить, когда на Руси впервые отпраздновали Новый год — даже точная дата, на которую он раньше приходился, сейчас неизвестна. По разным версиям, славяне отмечали Новый год на Масленицу, в день весеннего или зимнего равноденствия 22 марта.

После принятия христианства на Руси у Нового года появилась единая дата празднования — 1 марта. В 988 году в стране была принята византийская система летоисчисления, согласно которой годом «сотворения мира» считался 5508 год до нашей эры. На протяжении следующих пяти столетий Новый год праздновали в первый весенний день. В конце XV века дату торжества официально перенесли на осень по приказу царя Ивана III Васильевича — в течение следующих двухсот лет Новый год отмечали 1 сентября. Этот праздничный день сопровождался массовыми гуляньями и торжествами, а в Московском Кремле проходила церковная служба.

Традиция отмечать Новый год в ночь с 31 декабря на 1 января закрепилась в России только в самом конце XVII века — соответствующий указ Пётр I подписал в 1699 году. Помимо этого император изменил систему летоисчисления — теперь оно велось не от «сотворения мира», а от Рождества Христова. Таким образом, 7208 год превратился в 1699-й.

После революции празднование Нового года продолжало существовать только как традиция, сохраняемая в народе. Государство не уделяло внимания Новому году до середины 1930-х годов, а все торжественные мероприятия, связанные с праздником, имели строгую коммунистическую направленность. При этом в середине 1920-х годов в СССР началась активная кампания по искоренению религиозных предрассудков — под запрет попали Дед Мороз и ёлка, которые считались символами Рождества.

Настоящее возрождение Новый год в Советском Союзе получил в конце 1935 года. Власть стремилась сохранить новогодние традиции и при этом отделить Новый год от запрещённого в стране христианского Рождества. Граждане вновь стали наряжать ёлку, а в 1937 году советские дети впервые познакомились с Дедом Морозом и Снегурочкой — сказочный волшебник вместе с внучкой появился на Всесоюзной новогодней ёлке в московском Доме Союзов. Долгое время выходными днями в России считались только 1, 2 и 7 января — это изменилось в 2005 году, когда возникли новогодние каникулы, которые длились с 1 по 5 января. В 2013 году продолжительность выходных официально увеличили, продлив их до 8 числа. С новым годом, сограждане!

№44' декабрь 2023

Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СООЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)

Вышло в свет 135 номеров

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Литературный редактор
Наталья Михайловна ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.12.2023 г. Выход в свет: с 01.12.2023 г.

Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа

«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

Заказ №44-НО+ Цена свободная

Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать присылаемые материалы без объяснения причин

12+

С ФОТОАППАРАТОМ – ПО РОССИИ...

Путешествовать с фотоаппаратом в руках для директора Орловской областной детской библиотеки им. М. М. Пришвина Ирины Александровны Никашкиной – любимое занятие. Свидетельством тому – тысячи снимков, хранящихся в интернет-архивах автора и размещённых в открытом доступе в соцсетях.

Что, где, когда?

Увлечение фотосъёмкой всерьёз началось у Ирины Александровны с работы – в библиотеке всегда много мероприятий, мастер-классов, встреч с интересными людьми, которые с завидным постоянством нужно фотографировать. А чтобы фото не были обыденно-стандартными, делать их надо с большим желанием. Поэтому, как только в библиотеке появился фотоаппарат, директор и решила на такой шаг. Всё тому способствовало: ведь и желание было, и опыт фотографирования с детства – первая «мыльница» появилась у неё гораздо раньше мобильного телефона. Уже позже, во взрослой жизни, в 2000-х муж подарил ей «CANON». Такой подарок подвиг к дальнейшим шагам. Ирина стала снимать улицы родного города. Обошла с фотоаппаратом в руках старинные улочки: Посадские, Пушкарёвку, Карачевскую...

– Особенно мне нравилось снимать уголки моего детства: переулочки Культурный, Прядильный. Мы жили тогда в районе завода Медведева, – рассказывает Ирина. – Я ж вдоль и поперёк их знаю. Идёшь с фотоаппаратом, люди в маленьких

частных домиках активнее, чем в многоэтажках, спрашивают, мол, не журналист ли? Кто-то на плохие дороги жаловаться начинает, о себе рассказывает, а порой это целые истории об улицах и домах. У нас в Орле сохранилось много старых домов с интересной архитектурой, с резными элементами в резьбе на окнах, дверях. Ну, просто целые музейные коллекции собрать можно... Жаль, что некоторые из них не реставрируются и со временем разрушаются.

От Орла – до Мурманска и Кавказа.

Экскурс в историю

Этот год у Ирины Александровны на путешествия выдался особенно удачным. Начался он с деловой поездки на Всероссийскую конференцию Российской библиотечной ассоциации в Мурманск.

– Двое суток мы ехали на поезде, и я с энтузиазмом снимала из окна вагона. Проехали Питер, потом оказались среди сказочных пейзажей Карелии, – продолжает разговор Ирина. – Была остановка в маленьком городке Медвежьегорске. Если помните, там когда-то фильм «Любовь и голуби» снимали. Всё тот же маленький вокзальчик, та же тишина, те же люди, похожие на героев фильма. Чем ближе подъезжали к Мурманску, тем больше менялись пейзажи, растительность, как в тундре. И вот конечный маршрут – Мурманск. Похож на город из эпохи Советского Союза: дома, в основном пятиэтажки, девятиэтажка – самый высотный. Город расположился на берегу Кольского залива. Вышли из поезда и сразу почувствовали, что прохладно, ветряно, хотя был июнь. Пришлось поверх куртки жилетку надеть. Побывали в гостях у коренных жителей – саамов. На юрты и оленей полюбовались. Правда, юрты оставлены больше для рекламы в случае появления здесь туристов, а живут саамы в обычных домах. А ещё полярный день там ночью был. Может, с целью не потревожить сон, во многих домах – тёмные шторы. Я как-то

распахнула их, а на меня смотрит в упор огромная белая птица – северная чайка. Вот такие воспоминания оставила и на фото.

Но на этом моё лето не закончилось, у меня ж ещё в июле отпуск. Так что, не расслабилась в родных пенатах, а поехали вместе с директором Бунинки Людмилой Ивановной Бородиной дальше. И конечно же, фотоаппарат прихватили. Наш путь лежал на Кавказ. Побывали в Чеченской республике, Ингушетии, в Северной Осетии. Самое сногшибательное в Осетии – это горы и альпийские луга. И если там никто не бывал до сих пор, уж найдите время... Облака в тех местах так низко к земле опускаются, будто это ещё один город рождается, только заоблачный. А цвета какие у разнотравья: бордовый, жёлтый, синий... В общем, все радуги мира там. И необычное, даже страшное было в пути. Для меня это дорога по серпантину среди гор. Так что впечатления оказались серьёзными до мурашек.

Но и это ещё не всё. В сентябре мы поехали в Поньри Курской области, где когда-то шли бои. Там воздвигнут Мемориальный комплекс «Курская битва». Это совсем другое по восприятию путешествие, скорее, экскурс в историю. Мемориал, посвящённый Великой Отечественной войне, непосредственно Курской битве вблизи посёлка Поньри, сделан гениальными архитектором Константином Фоминым и скульптором Андреем Коробцовым масштабно, проникновенно до слёз. Вот это и были самые сильные впечатления.

Второй концерт Рахманинова с ветром в поле

Наверное, есть в душе каждого человека такой потаённый уголок, о котором никто и не догадывается. У Ирины таким уголком стал родительский дом. Вернее, бабушкин. Она с любовью называет его домиком в деревне:

– Как родители умерли, так уже мы с братом стали туда ездить. Раньше мама с папой, в основном, о бабушкином доме и огороде заботились. Теперь эти заботы стали только нашими. Домик находится в шестидесяти километрах от Орла, в Куракино. Деревянный весь и такой родной во всём: от порога до коврика. И котов там кормлю в перерывах между фотосессиями, и огурцы с помидорами выращиваю как для засолки на зиму, так и для фото натюрмортов. Цветов у меня там – море. Начиналось всё с фиалок на подоконнике и плавно перешло в садовые астры, пионы, ирисы, розы... А ещё я люблю луг за домом с полевыми цветами. Они как будто охраняют эти места от всего плохого. Может, потому там так вольно и легко дышится. Вот я сяду на бугор в поле и люблю цветы, облаками, ветер слушаю... И так порой он проникновенно звучит, что кажется мне, будто это

даже не ветер, а музыка – второй концерт Рахманинова или Калинникова.

Хобби: Родину любить

Не всякий сегодня положит в дорожный чемодан фотокамеру, всё чаще айфон или андроид.

– Да этот фотоаппарат просто ко мне прирос, – улыбается Ирина. – Поэтому и столько городов вместе объездили.

А городов действительно в её портфолио путешественника немало. И всё больше – наши, русские, российские – от старых изб на окраинах села до технологично выросших многоэтажных гигантов. Фотоаппарат с любовью запечатлел шикарную архитектуру Казани, храмы с золотыми куполами Болхова, Ростова Великого, древнего Суздаля, монастыри Валаама, знаменитые «Троицкие хороводы» в Орловском Полесье, живописные местечки Тарусы... К слову, здесь, в Тарусе, долгие годы жил любимый писатель Ирины Александровны – К.Г. Паустовский. А в Московской области в с. Дунино, где она так же побывала с фотоаппаратом в руках, – прекрасный писатель, летописец русской природы, фотограф, корреспондент М.М. Пришвин, именем которого названа библиотека, и которой много лет руководит Ирина Александровна Никашкина. Она называет своё увлечение художественным фото – хобби. На самом же деле, более определяющие его смысл слова: любовь к Родине. Недаром идёт Ирина Александровна в любое время года с фотоаппаратом в руках по улицам родного города и находит в сердце место даже самому забытому уголку. И дарит новую фотожизнь как дальним русским провинциям, так и большим российским городам с их удивительными историями.

Елена ПИМКИНА (МАР)
Фото Ирины НИКАШКИНОЙ

«Первый шаг в большую науку»

В число победителей Международного научно-исследовательского конкурса «Первый шаг в большую науку» вошли студентки Колледжа Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС обучающиеся на 2-м курсе направления подготовки 40.02.01 «Право и организация социального обеспечения».

Александра Аксютина, Вероника Мучинская и Анна Слепцова приняли участие с работой «Определённые аспекты реализации права на возмещение экологического вреда в Российской Федерации» под руководством своего преподавателя Маргариты Левочкиной.

«Мне, Анне и Веронике участие в конкурсе принесло много положительных эмоций. Мы уверены, что конкурс дал стимул попробовать себя в чём-то новом, а также позволил активнее принимать участие в научно-исследовательских мероприятиях», – прокомментировала Александра Аксютина.

ПОЗНАВАТЕЛЬНО О ВАЖНОМ

В Орловском областном центре по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями обучающиеся Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (факультета ГМУ направления подготовки «Организация работы с молодёжью») состоялось мероприятие, посвящённое предупреждению распространения ВИЧ – инфекции «Твой выбор». Куратором данного мероприятия выступила старший преподаватель кафедры «Социология и социальные технологии» Юлия Путилина.

В первый день студенты встретились с врачом БУЗ Орловской области Еленой Королёвой. Вместе они обсудили причины и последствия заболевания, правила предупреждения болезни. Специалист Орловского центра профилактики и борьбы со СПИДом рассказала о способах передачи вируса и современных методах его диагностики.

Также студенты Президентской академии узнали о том, как снизить риск заражения ВИЧ-инфекцией. Особое внимание лектор уделила тому, что ВИЧ-инфицированный человек при соблюдении определённых правил не несёт какой-либо опасности для окружающих людей. СПИД – это неизлечимое заболевание, от которого никто не может быть застрахован. Но не стоит забывать, что знание и соблюдение здорового образа жизни значительно снижает риск заражения. А также большинство решили пройти анонимное тестирование на ВИЧ-инфекцию, которое может пройти каждый на бесплатной и анонимной основе в «Орловский центр СПИД».

Во-второй день студенты приняли участие в тренинге, который провела приглашённая из БУ ОО «ППМС-ЦЕНТР» социальный педагог Светлана Курдина. Игровые, ролевые, диалоговые и другие методики позволили переосмыслить глубину и значимость полученных знаний о ВИЧ-инфекции, осознать проблемы, с которыми сталкиваются люди в своей повседневной жизни из-за низкой осведомлённости относительно данного заболевания.

Завершая встречу, студенты обменялись мнениями, впечатлениями, инсайтами и задали волнующие их вопросы.

Наиболее активным участником встречи были вручены именные сертификаты.

БИЛЕТ В БУДУЩЕЕ

Преподаватель колледжа Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС **Анастасия Настепанина** провела для учеников гимназии № 34 и школы № 2 города Орла профессиональную пробу по направлению специальности 40.02.01 «Право и организация социального обеспечения». Цель мероприятия: знакомство школьников со специальностью, ознакомление с профессиональной программой "Консультант плюс" и развитие практических навыков при её использовании.

Студенты 3 курса специальности 40.02.01 «Право и организация социального обеспечения» **Белозерцева Полина, Боева Алена, Гредина Анастасия, Евстифеев Арсений, Овсянникова Наталья, Пастухова Виолетта, Ляхова Дарья, Пугачёва Екатерина, Лешошко Полина, Фёдорова Анастасия** обсудили со школьниками в каких сферах жизнедеятельности общества важны юридические знания и какие должности может занимать гражданин, получивший юридическое образование, познакомили с интересными фактами в профессии юриста,

озвучили профессиональные и личностные качества, которыми должен обладать представитель данной профессии.

Далее школьники с помощью студентов – волонтеров ответили на вопросы граждан, обратившихся в виртуальную юридическую консультацию. Ребята с интересом познакомились с профессиональной программой «Консультант плюс» и смогли с её помощью подобрать правовые нормы, необходимые для решения конкретной правовой ситуации.

В конце мероприятия школьники отметили, что благодаря проекту «Билет в будущее» смогли «примерить» на себя данную профессию под руководством преподавателя и студентов колледжа.

Проект «Билет в будущее» даёт возможность самостоятельно и осознанно подходить к выбору профессии.

«Благодаря опыту, полученному на этом мероприятии, ребята получили не только теоретические знания, но и практические навыки, необходимые для успешной работы в данной области», – отметила **Полина Петрова**, классный руководитель 9 класса школы № 2 города Орла.

Синичкин день

Студенты первого курса колледжа Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС присоединились к ежегодной природоохранной акции – «Синичкин день». Инициатором её проведения стал Союз охраны птиц России. Акция традиционно стартует в ноябре, а завершается с окончанием зимних заморозков.

В её рамках жители разных населённых пунктов страны готовятся к встрече

«зимних гостей» – птиц, остающихся на зимовку в наших краях: синиц, щеглов, снегирей, соек, чечёток, свиристелей. Люди заготавливают для них подкормку, в том числе и «синичкины лакомства»: несолёное сало, нежареные семечки тыквы, подсолнечника или арахиса, – делают и развешивают кормушки.

Под руководством преподавателя дисциплины «Основы безопасности

жизнедеятельности» **Сергея Лазарева** учащиеся провели в начале ноября открытые уроки в рамках акции где выступили с сообщениями о вкладе пернатых в экологию, пользе птичьего пения для здоровья человека. Рассказали они и о своих домашних питомцах – птицах.

На уроках был организован конкурс фотографий, посвящённых этой акции, где студенты предстали с изготовленными ими собственными руками или с помощью близких родственников кормушками или со своими домашними питомцами.

Катя Чусова

Илья Папкин

Евгения Мерзлова

95 лет назад ушла из жизни замечательная женщина, чья имя тесно связано с Орловищиной. Мы продолжаем публикацию отрывков из рукописи-воспоминаний княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, удивительным образом дошедших до наших дней. Эту историю надо знать...

Певческий дебют. 1887, 26 апреля. Париж. 1880-е годы
Источник: Смоленский вестник

Княгиня М.К. Тенишева

ВПЕЧАТЛЕНИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ (Продолжение. Начало в №40)

Х Жизнь в Бежице

Вернулись мы обратно в Бежицу на заре. Наш вагон отцепили от общего поезда и особым паровозом подали к нашей платформе, от которой до дому было всего несколько саженей. Меня неприятно поразило одно обстоятельство. Несмотря на ранний час, нашлись-таки охотники встать ни свет ни заря из-за одного только любопытства, чтобы поглазеть на нас, вернее, на меня, и потом первыми по заводу разнести новость, свои выводы и заключения. На расстоянии всего нескольких минут ходьбы – надо было только перейти дорогу и войти в калитку нашего сада – мы встретили нескольких человек, уставившихся на нас с нескрываемым любопытством. Мужу это тоже, кажется, не понравилось. Он ускорил шаги, сухо отвечая на поклоны.

Огромный одноэтажный дом с мезонином, с массой вычурной резьбы, с балконами, выступами и башнями, был окрашен в казённую серую краску. Внутри он остался с рублеными стенами, потемневшими от времени и очень пугавшими меня. Мне казалось, что в этих тёмных

и пыльных стенах, в щелях с торчащей между брёвен паклей, должны гнездиться миллионы всевозможных жителей, а я чувствую непреодолимое отвращение ко всяким букашкам, боюсь их до смерти... В просторных, но от избытка балконов очень тёмных комнатах было пусто и нежило. Мебель, вся без исключения, была увезена первой женой князя, которой он предоставил выбрать необходимое, надеясь пополнить недостающее после нашей свадьбы. Необходимым же оказалось всё. Князь, как деловой человек, не входил в домашние мелочи и не позаботился снова обставить дом вовремя. Мне, разумеется, не нужна была эта увезённая обстановка, но пустой дом, с голыми, унылыми стенами, в котором не было ни ложки, ни плошки, где на всём лежала печать запустения, произвёл на меня удручающее впечатление. К нашему приезду садовник решил вместо мебели в виде убранства в опустевших комнатах наставить повсюду на тумбах огромные кадки с пальмовыми деревьями и высокими тропическими растениями. Только в столовой стоял ряд венских стульев да большой обеденный стол, а в гостиной рояль, выписанный незадолго до нашего приезда.

Дом князя был построен в семидесятых годах, в прискорбную эпоху упадка русской архитектуры. В окрестностях Москвы и Петербурга выросли в это время в огромном количестве такие же вычурные и возмутительные по безвкусице дачи в псевдорусском, или "репетовском" стиле, в шутку прозванном ещё "петушиным". Русского в этих претенциозных постройках не было решительно ничего. Никогда древняя Русь не украшалась подобной резьбой, а башни, балконы и выступы были всецело выдумкой бездарнейших архитекторов с нерусскими фамилиями, бог весть откуда ими вывезенные. Беда в том, что до сих пор есть люди, которым это нравится. Князя все эти вопросы ничуть не интересовали: ему нужен был дом – ему его и выстроили.

Однако надо было устраивать жизнь в Бежице. Но как? С чего начать её? Муж тотчас по приезде занялся делами. С раннего утра и до позднего вечера он проводил на заводе, я же оставалась одна в этом неудобном доме, без следа какой-нибудь книги или журнала.

Мне был предоставлен большой парк, обнесённый высоким тыном, раскинутый на десяти десятинах когда-то знаменитых Брянских лесов, с толстыми, до небес высокими соснами.

Через дорогу, как раз против нашего дома, начинался завод, ближайшей мастерской которого был мостовой корпус с 1500 рабочих, строящих огромные железнодорожные мосты и паровозные котлы и работавших в две смены. День и ночь оттуда нёсся неистовый грохот молотков заклёпщиков котлов. Непривычные мне условия жизни, новизна обстановки окончательно спутали мои привычки. Спать под неумолчный стук работ я никак не ухитрялась, и уже в шестом часу утра, с звучным и протяжным гудком заводской трубы, призывавшей дневную смену на работу, я вставала, торопливо одевалась и тут же видела, что торопиться было некуда. Кроме того, по всем направлениям завода ходили "кукушки" – род небольших паровозов, обслуживавших мастерские, с непривычным острым свистком, оглушавшим всех с утра до ночи.

Муж, большой любитель покушать, сам ежедневно подол-

гу совещался с поваром, поэтому даже хозяйственные заботы меня не касались.

Заняться домом, его устройством – у меня не хватало духу. Эти чёрные стены, которые по-настоящему следовало бы оштукатурить и оклеить обоями, не привлекали меня, как и всё новое моё жилище не внушало мне симпатии. Да я и не знала, с чего начать. Всё надо было переделать снизу доверху, и это требовало таких усилий, как, например, поездки в Петербург или в Москву, в Бежице же ничего нельзя было достать. Просто руки опускались.

Мне было скучно. В сотый раз за день колеся по парку бесцельно, с тоской на душе, я задавала себе вопрос: "Что же это такое?"...

Однажды после обеда муж, лениво потягиваясь, сказал Антону: "Пойдите к М. и скажите, чтоб все пришли к девяти часам". Этот странный способ приглашать к себе гостей немало меня удивил. Всё же, как хозяйка, я приготовилась к встрече, приказала накрыть чайный стол со множеством печений и варений.

Ровно в девять часов открылась дверь, и в гостиную гурьбой вошла толпа длинных, тощих, маленьких, больших и пузатых приглашённых, во главе которых был И., директор завода, и М., его помощник. Муж представил мне этих двух, а на остальных указал общим жестом – это всё были заводские служащие, техники, механики, инженеры и главные мастера разных цехов.

Не теряя времени, они все разом, точно по команде, уселись за большой стол, заранее приготовленный. Началась игра. До меня долетали слова: "десять... семь... угол...". Потом шла расплата крупными деньгами.

Оставшись одна, я вволю предалась наблюдениям. Собранные вокруг стола были люди, зарабатывавшие десятки тысяч рублей в год. Самые скромные из них получали от пятнадцати до двадцати тысяч, но благосостояние не дало им ничего: необтёсанные, неопрятные, они производили впечатление каких-то дикарей, и мне странно было видеть мужа в этой компании.

Почему-то у нас на Руси люди, занимающиеся какой-либо специальностью, считают совершенно лишним, кроме своего дела, интересоваться чем-либо отвлечённым, цивилизоваться, расширить свои понятия, культивироваться. Особенно это бросается в глаза среди инженеров. Но тут, на заводе, эти отталкивающие черты были подчёркнуты во сто раз.

К чему таким людям деньги? Живут они в полнейшей мещанской обстановке, бессодержательно, плоско, делясь между небрежно выполняемыми обязанностями службы и ужинами и обедами с реками выпиваемого шампанского, с игрой в карты до зари. Вкусы их, интересы – мелкие, маленькие, разговоры пошлые. В доме у них, как роскошь, конечно, изобилует венская мебель, а я ненавижу её. Это – шаблонная обстановка для людей без личного вкуса. Говорить с ними было потерянными временем. После первых же слов видно было, что тут нечего ожидать, что мы объясняемся на разных языках. Да я просто и не умела с ними разговаривать.

Меня особенно поразил И., ещё не старый человек, суховатый, с косинкой в глазах, с волосами, как, впрочем, и у других, мало знакомыми со щёткой, в неопрятном, издёрганном платье. Мягкое бельё сомнительной чистоты, с отсутствием пуговиц, обнажало минутами волосатую грудь. Туалет его довершала огромная тяжеловесная цепь от часов, разгулявшаяся по всему животу. Пил он и играл так, как будто дал зарок делать только но всю свою жизнь. Вообще, он сразу

показался мне крайне антипатичным. И к чему таким людям деньги? Ведь у них нет никаких потребностей.

Не дождавшись конца этой импровизированной вечеринки, я ушла в свою комнату. За весь вечер к чайному столу никто и не подошёл. Чай и шампанское усердно разносил Антон играющим, не прерывавшим ни на минуту своего занятия. Поздно ночью, сквозь сон, я услышала говор, топот и чертыхание расходившихся партнёров.

По первому впечатлению, женский элемент на заводе был тоже невозможный. Там, казалось, не было ни одной интеллигентной женщины. Это были или самого пошлого пошиба архипровинциальные кокетки со скандальной репутацией, или просто разжирелые от избытка, грубые, вульгарные матроны с кучами невоспитанных детей. И все эти дамы были, конечно, на ножах. Едва коснувшись их, я наслушалась от них головокружительных сплетен. Я всегда ненавидела сплетни и сейчас же забывала, что мне рассказывали. Таким образом, я сразу разочаровала в себе тех, кто думал присоединить меня к своим интригам, переманить на свою сторону. Моим невниманием к передаваемым сплетням, моим равнодушием к ним я не понравилась дамам – между нами также не нашлось ничего общего.

Всё же одна из них показалась мне более симпатичной и содержательной – это была госпожа М. Но так как она жила на так называемой "лесопилке", далеко от центра завода, мне редко приходилось с ней встречаться.

Холодно мне было среди этих некультурных людей. Грубость их нравов леденила меня, узость, ограниченность интересов подавляли. Всё, что я видела, было так ново, непривычно для меня. Никогда мне не приходилось раньше в своей жизни встречаться с такими людьми. Я точно попала в какой-то особый мир, с особыми нравами, особыми обычаями и особым пониманием всего, чем жизнь красна... Я только смотрела и всё больше удивлялась...

При заводе была гостиница, в которой останавливались люди, приезжавшие по делам завода, всевозможные комиссионеры, поставщики, представители известных фирм, а главное, подолгу жили "приёмщики" – артиллерийские офицеры и инженеры. Это были совершенно особенные люди – "типы"...

Когда поселялся для приёмки снарядов какой-нибудь артиллерист, то, начиная с мужа и кончая самым маленьким деятелем завода, всё угождало и стелилось перед ним, как перед каким-нибудь принцем. Дело в том, что принимать правительственные заказы следовало бы поручать людям с неподкупной совестью. И несомненно, что если приёмщик недобросовестный, то и заказ, вероятно, недоброкачественный. Но когда совесть подкупная, то даже при безукоризненном исполнении заказа разговор очень простой: "нехорошо" – и уехал.

Такие "приёмщики" жили на заводе иногда восемь месяцев, иногда год, пока вся партия не принята, и, к сожалению, это были все подкупные люди. Уже один их образ жизни был что-то поражающее. Для них был отведён особый бюджет, во-первых, в кассовых книгах, во-вторых, по отчётности завода. По этим книгам видно было, что г. Х. каждое утро съедал две коробки сардин, полтора или два фунта икры, выпивал невероятное количество вин, шампанского, водки и т.д. В карты он играл до восьми часов утра, и ему нужна была компания. Капризам и требованиям этих господ не было конца, и их боялись больше всего. Были ли между ними порядочные, я не берусь судить, но вид у них был невозможный: спившиеся,

Дом Тенишевых в Майском парке в Бежице

разжирелые, с отвисшими животами и рожей распухшей и до того помятой, что они и сами стеснялись куда-нибудь показываться...

За год до моего замужества на заводе было построено механическое отделение, где работало две тысячи человек и делались локомотивы. В то время строилась Сибирская железная дорога, и для завода была прямая прибыль поставлять туда свои паровозы. Спустя месяц после нашего приезда на заводе произошло крупное событие: праздновался выход первого паровоза из мастерских. Перед церковью, переполненной рабочими, к этому дню была выстроена высокая платформа, возле которой стоял первенец механического отделения, громадный, красивый, с ярко начищенной медью паровоз, украшенный лентами, гирляндами цветов и флагами. У машины стоял главный машинист и два его помощника в праздничном платье. Торжество началось с обедни. Толпа была так велика, что нас с мужем ввела в церковь цепь стражников, расталкивая толпу и пропихивая нас в образовавшийся проход. Был июнь месяц, и духота стояла невообразимая. По окончании обедни мы перешли на платформу. Началось молебствие и окропление святой водой паровоза, после чего он громкими свистками возвестил о первом своём шаге, торжественно тронулся от платформы к железной дороге и, шипя, ловко маневрируя, удалился. Я с мужем вернулась домой, у нас должен был завтракать весь заводской персонал.

Так как мы, ведя тихую жизнь, ещё не успели обзавестись столовым бельём и посудой и для больших приёмов ещё ничего у нас не было готово, то всё необходимое к этому дню пришлось выписывать из орловского клуба. Клубный буфетчик, вероятно, порядочный мошенник, доставил скатерти в ужасном виде: грязные, неглаженные, и, когда я ещё одевалась, чтобы ехать в церковь, ко мне в волнении прибежал Антон сказать, что это не столовое бельё, а грязные дырявые простыни и их постелить нельзя. Я вышла в столовую и, убедившись, что действительно бельё весьма сомнительной чистоты, рассердившись на буфетчика, призвала его и выбрала, сказав: "Что вы, смеётесь над нами? Это недобросовестно..." Но поправить это уже было невозможно, да и надо было ехать в церковь. Я уехала из дома расстроенная. Потом оказалось, что буфетчик так оскорбился моим выговором, что подал на меня в суд, и мне присудили уплатить ему двадцать рублей!!! Впоследствии, ближе познакомившись с брянским обществом, я поняла, что грязные скатерти не могли шокировать эстетических вкусов обывателей, они этого не замечали, но в тот день мне было страшно неловко перед всеми, и я

очень мучилась из-за этой неисправности в моём хозяйстве.

Когда кончился завтрак, мы с мужем и заводским персоналом поехали поздравлять рабочих, собранных по цехам в большом рабочем парке, где были расставлены столы с дымящимися кушаньями, водкой и пивом. Подъезжая к каждому цеху, я оставалась в коляске, а муж подходил к рабочим и после нескольких приветственных слов зачёрпывал кружечкой водку в стоявших тут же огромных бочках, поднимал кружку и произносил тост, на что рабочие отвечали дружным "ура", после чего окружали его, хватали на руки и начинали качать. Я с ужасом должна была смотреть, как над этим морем голов выскакивали то голова, то ноги, то весь корпус бедного Вячеслава – и так во всех цехах.

Следя за всем издали, я не могла не заметить, что, несмотря на единодушные крики "ура", качания и веселье, в стороне стояли группы людей со скрещёнными руками, угрюмо, недобрыми глазами глядящие на угощения и не принимавшие участия в общем веселье, точно строго осуждая его. На минуту это привлекло моё внимание, но я скоро рассеялась и забыла спросить кого-нибудь, что означали эти недовольные лица. Мы вернулись домой, и бедный Вячеслав, со страшной головной болью, пошёл отдохнуть после всего этого шума и непривычных эволюции, которые ему пришлось проделать.

Вечером для рабочих в том же парке был устроен бал и фейерверк, а у нас обед с музыкой, и наш парк тоже был иллюминирован. Войдя в этот вечер к мужу в кабинет, я вдруг застала в нём бледного, испуганного М., сидящего в углу. Удивлённая, я спросила, что он тут делает. Оказалось, что рабочие, будучи им очень недовольны за что-то, искали его весь день, чтобы побить, и он всё время прятался по домам своих знакомых, а вечером, думая, что будет в большей безопасности у нас, спрятался в кабинете мужа. Тогда я поняла, что обозначали угрожающие группы рабочих, виденные мной утром. Поздно ночью, по окончании торжества, пришла госпожа М. и увела мужа с собой.

***

Время тянулось для меня так медленно, так неинтересно, что со скуки я занялась культурой шампиньонов, чтобы хоть куда-нибудь употребить избыток своих сил. Через месяц я угостила мужа своим произведением, что очень позабавило его.

Жизнь, которую я вела на заводе, казалась мне всё более бессмысленной. В душе поднялся ропот, сожаление... К тому же я почему-то не получала ответа на свои письма, даже от Киту. Мне казалось, что я отрезана от своих друзей, что я всеми забыта, и ещё сильнее ощущала своё одиночество. Настроение моё становилось всё мрачней и мрачней. Тайком от мужа я не раз пролила горячую слезу. Вообще, я не легко плакала, но тут частые приступы слёз, затаённая грусть пошатнули моё здоровье.

Однажды я проснулась с отвратительным вкусом. Всё, что я брала в рот, казалось горьким. У меня объявилась желтуха. Заводской доктор И., горький пьяница, но, кажется, добродушный малый, сказал мужу: "Везите-ка вы барыню вон отсюда. Ей заводской воздух вреден". Мужа это обстоятельство очень озаботило. Он понял, что мне нехорошо, что я, вероятно, скучаю.

В это время я была уже не одна. Ко мне приехал погостить Нил Алексеевич Гоголинский, с которым мы по целым дням силились зарисовать уголки сада, стараясь скрыть друг от друга своё настроение, но я заметила, что и он, глядя на меня,

стал невесел, как-то завял. Он хорошо знал меня и очень скоро понял моё душевное состояние.

А через несколько времени приехала и Киту. Я обрадовалась ей, как солнцу, и была счастлива почувствовать себя снова среди друзей. Прошлая тоска сменилась радостью. Я свободно вздохнула, мне сразу стало лучше.

Недоразумение с письмами объяснилось очень просто. Оказывается, что не я одна, а и Киту тоже не получила ни одного из моих писем. Бежицкий почтмейстер, свято подражая гоголевскому в "Ревизоре", нежно хранил нашу переписку у себя на сердце, и вот почему ни одно письмо не дошло до назначения. Он, очевидно, страдал болезнью острого любопытства.

Князь был страшно взбешён этой неслыханной дерзостью и, позвав к себе почтмейстера, дал ему серьёзное средство от этого недуга, сделав настоящее внушение. Впрочем, на заводе такая система шпионства часто практиковалась, и к нам была применена особенно пышно.

Однажды князь, отлучившись куда-то на целый день и вернувшись лишь поздно вечером, объявил мне с довольным лицом: "Поздравляю, я купил тебе имение всего в пятнадцати верстах отсюда, и завтра мы едем его осматривать".

Имение, купленное мужем в Брянском уезде Орловской губернии, было расположено на крутом берегу Десны. Кругом широко расстиались во все стороны необозримые заливные луга, с причудливо и величаво извивающейся между ними рекой. Воздух и простор были необъятные.

"Хотылёво", как называлось наше имение, когда-то принадлежало Тютчевым, но за карточные долги было отобрадено одним аферистом, у которого муж и купил его. Сколько имений на Руси ушло таким образом от владельцев! Сколько кулаков на них нажилось!

Господского дома там не было, он, кажется, сторел, и вместо него стояла длинная, бесформенная казарма, в которой жить было невозможно. Пришлось этот длинный сарай срыть, а пока строился дом, наскоро был возведён просторный и удобный флигель. К осени мы в него переехали.

При въезде в имение стояла красивая белая каменная церковь елизаветинских времён. Чтобы сохранить гармонию, пришлось построить дом приблизительно в том же стиле.

Муж, высоко ценя опыт Киту, просил её установить правильное хозяйство в Хотылёве. Был выписан хороший скот и положено начало коннозаводству. Предоставив полную свободу моему воображению, муж добровольно подчинился всем моим начинаниям. Увлёкшись в свою очередь, он занялся постройкой железного моста через Десну для замены им опасного парома. Кроме того, в полутора верстах от имения им была построена хорошенькая железнодорожная станция, с особой комнатой для нас, телеграфом и всеми удобствами.

А я пробуждалась... С каждым днём силы росли во мне. Понемногу зазвучали в душе, как отдалённые аккорды, давно забытые мечты о широкой, плодотворной общественной деятельности.

Мало-помалу я заинтересовалась и заводом, стала спрашивать о нём, изучать быт и условия жизни рабочих и экономическое положение их. Завод стал казаться мне менее страшным. Мысли заработали в новом направлении. Эпизод с М. помог мне открыть глаза. Я стала разузнавать о причинах недовольства рабочих, их озлобления против него, и понемногу передо мной развернулась целая картина истинного положения рабочих на заводе. Я открыла, что, кроме заевшихся, за жирелых матрон и упитанных равнодушных

деятелей, в нём жили ещё люди маленькие, пришибленные, опалённые огнём литейных печей, оглушённые нескончаемыми ударами молота, по праву, может быть, озлобленные, огрубелые, но всё же трогательные, заслуживающие хоть немного внимания и заботы об их нуждах. Ведь это тоже были люди...

Кто же, как не они, дал этим деятелям, да и мне с мужем, благосостояние? Кто от этих тяжёлых трудов, пота и мозолей получал львиную долю? Конечно – мы все...

А что было дано этим немым, безымянным труженикам взамен пролитого пота, утраченных сил, преждевременной старости? Кто до этой поры позаботился о них? Об улучшении их жизни, их детях? Кто прислушался к их голосу, их жалобам, их нуждам? Никто... Верхи неумолимо попирали низы с какой-то жестокостью, не оглядываясь по сторонам. Каждый жадно, эгоистично, холодно урывал кусок в свою пользу, не замечая своих младших братьев, которым, казалось, не было суждено когда-нибудь вынырнуть из едкой копоти, палящего жара, обмыться, успокоиться, разогнуть болящую спину, вздохнуть свободно...

Да, в этом пекле и стуже жили живые люди, которым надо было помочь. Надо, потому что до этой минуты ничего для них не было предпринято.

На двадцать восемь тысяч жителей заводского населения была всего одна школа на четыреста человек. Учитель – он же заведующий школой – был человек узколобый, тоже сытый, слепой и глухой до всего живого. В его руках была торговля учебными пособиями, тетрадами, карандашами, учебниками. Он наживался, сделав из этого монополию. Купить что-либо подобное на заводе было негде, он и брал с учеников, что хотел. Говоря нараспев, высокопарно, играя в благонамеренного либерала, он ловко пристроился, держа все бразды школьного правления в руках. В школу попадали исключительно дети богатых мастеров, и как бы ни был способен ребёнок, это не принималось в расчёт, если отец его не был достаточно зажиточным. Вакансий в школе было ежегодно пятьдесят, шестьдесят, желающих же поступить – двести, триста человек. Выбор поступающих зависел от П., и он с этим вопросом ловко справлялся, умело пряча концы.

По желанию мужа я сделалась попечительницей школы. Я с жаром принялась за дело и первым делом заменила П. новым учителем, Никитой Петровичем Смирновым, очень порядочным и дельным человеком. После ухода П. также поставила на правильную ногу и торговлю учебными пособиями, передав её одному торговцу, Лапину из Смоленска. Переделав бывший домик садовника из пяти очень удобных комнат, я

Церковь Петра и Павла в Бежице

Здание ремесленного училища возле завода, построенное М. Тенишевой. Сейчас здесь Брянский политехнический колледж. Строили тогда на века...

устроила в этом помещении хорошенький магазин и квартиру продавцу. Дом выходил на главную заводскую улицу. Мы повесили вывеску и открыли торговлю.

Первой женой князя был устроен детский сад, который действовал в бытность её здесь, но всегда чувствовалось в этой затее что-то деланное, нежизненное, и вскоре он закрылся. Подобное учреждение на металлургическом заводе не могло иметь серьёзного смысла, потому что женский труд в нём применения не имел. Другое дело – мануфактурные заводы и фабрики, где масса женщин находит заработок и уходит по целым дням на работу, оставляя детей без присмотра.

Здесь же не то – женщины оставались дома и могли весь день заниматься хозяйством и детьми. Заводская нравственность и так стоит на низком уровне, а если, предоставляя избыток свободы, отстранить женщину и от семейных обязанностей, то это – прямо толкать их на ещё большее распутство.

Условия жизни рабочей семьи в Бежице были тяжёлые. Рабочие жили в огромных двухэтажных деревянных казармах, разделённых на множество мелких квартир, в которых помещались две, а часто даже и три семьи. Вокруг этого тесного и неопрятного жилища ютились наскоро, кое-как сколоченные хлевки для коров и свиней, расточая зловоние и непролазную грязь вокруг.

Дома детям было тесно, душно, нехорошо. Зачастую под пьяную руку на них сыпались побои и пинки не только родителей, но и других, живущих с ними, рабочих. Матери прогоняли детей на улицу, чтобы избавиться от шума и рёва, да они и сами охотно бежали от тесноты и дурного обращения и слонялись весь день на свободе, одичалые, огрубелые, развивая в себе бог весть какие пороки. Жаль было смотреть на ребятишек двенадцати-четырнадцати лет, день-деньской болтающихся толпами по широким немощёным улицам завода, с камнями и палками в руках, от которых плохо приходилось не только кошкам и собакам, курам и свиньям, но часто даже и людям.

Трудно сказать, что было лучше для ребёнка: жизнь ли дикаря-разрушителя или вредные примеры и нравственная грязь, царившая у них дома? Были случаи, когда после сильной попойки, под винными парами, путаясь в топографии квартиры, мужья принимали чужих жён за своих, не говоря уже о брани и словах, которые сыпались без удержу от этих людей, отуманенных вином. Всё это пагубно действовало на

нравственность малолетних, беспощадно губя её в самом раннем возрасте.

Здание детского сада я превратила в ремесленное училище, пригласив заведовать им Алексея Михайловича Смирнова [Преподаватель Смоленского технического училища.], и мы энергично взялись за его устройство. Был выписан в большом количестве разнородный инструмент: слесарный, кузнечный, столярный и чертёжный. Установили столы, тиски и небольшую кузню. Таким образом, дело быстро наладилось. Учеников сразу набралось около шестидесяти, как раз комплект двух первых классов, и я уже с ужасом начала подумывать, куда я помещу третий – мест не хватало. Пригласили отца Азбукина, помолились и усердно принялись за работу.

Спустя некоторое время я получила прошение с массой подписей от заводских рабочих, отцов моих учеников, о том, чтобы установить в училище вечерние занятия для изучения черчения, так как результаты, полученные их детьми, показали на опыте всю важность этого знания. Конечно, я согласилась на их просьбу, разрешив в училище вечерние занятия. Результат получился самый хороший, и в конце года они поднесли мне хлеб-соль на деревянном блюде своей работы. Меня очень тронуло это внимание, и я сохранила его на память о моих первых шагах на этом поприще. Наивное исполнение этого резного блюда было мило мне.

Но какую метаморфозу произвело это училище в моих учениках! Какое чудо!... Ведь состав их был из тех же дикарей-разрушителей, которые несколько месяцев тому назад, бегая по улицам толпами, с камнями и палками никому не давали проходу – а потом, какие милые, приветливые лица встречали меня в училище, какие светлые глаза глядели с благодарностью... О дикарях уже не было и помину. Передо мной стояли будущие люди, сознательно относящиеся к работе, с рвением, усердно взявшиеся за серьёзное дело.

Наплыв желающих учиться всё рос, а места становилось всё меньше и меньше. Мне было невыразимо больно отказывать детям в поступлении, просто казалось преступным. Долго, мучительно ломала я голову, как помочь этому горю, и наконец нашла разрешение. Первым долгом я выпросила у мужа часть нашего парка в Бежице. Во-вторых, выхлопотала у петербургского управления огромную сумму в сто тысяч рублей на постройку большого каменного здания на двести человек для ремесленного училища.

Но чего это мне стоило?! Конечно, далось это не сразу и

нелегко. Моё смелое требование ошеломило всех директоров. Муж совершенно уклонился от переговоров с ними и не поддерживал меня ввиду щекотливого положения, в котором он находился как председатель правления – он не мог хлопотать за свою жену (какая-то деловая этика мешала) и предоставил мне самой отстаивать свою идею. Пришлось просить, настаивать и спорить без конца с П., вице-директором правления в Петербурге, и с Г.

Сергей Иванович П. был креатурой князя. Из маленького скромного человечка он сделал его одним из директоров правления с колоссальным ежегодным окладом, составившим ему огромное состояние. П. был портретом И., только с той разницей, что, живя в Петербурге, бывая каждый год за границей, научился носить чистое платье, имел на себе все пуговицы и интеллигентную красавицу жену. В остальном же, т.е. вкусах, интересах, некультурности, он был точно родной брат И. Он часто бывал у нас. Я хорошо изучила его и не раз спрашивала себя, как и всегда, впрочем, встречая подобные типы, – на что такому человеку состояние? Людям без потребностей богатство даёт очень мало. Всё, что его окружало, что он хвалил и признавал, чем интересовался и увлекался, всё это могло таксироваться, беря широко, на шесть-десять тысяч рублей в год, – это с шампанским и комфортом по его масштабу. В сущности, ему денег общества не было жаль. Князя он уважал, и если показал мне известное сопротивление и отпор, то только для виду.

Г. же был похитрее и некультурнее, а главное, был настоящим воплощением так называемого "инженера". Такой "инженер", в моей оценке, – это человек чёрствый, плоский, пошловатый, род кулака, тугой на расплату, но не там, где нужно шикнуть или предвидится барыш, с узкими горизонтами и дешёвыми вкусами, носящий постоянно на лице самодовольное сознание своего богатства, сытости.

С Г. мне пришлось долго бороться, пустить в ход всё своё красноречие. Я не только просила и убеждала, но мне пришлось и нападать, обвинять, стыдя этих самодовольных, сытых людей за их слепой эгоизм. Пришлось развернуть перед ними картину заводских нужд, указать на сделанные за многие годы упущения по отношению к трудовому люду исключительно ради личной наживы. Муж молчал, во всё время словечка не проронил. В душе он был со мной согласен – глаза раскрылись. Я же положительно вцепилась в них и решила, что так или иначе, но выйду победительницей из этой борьбы. После долгих и тяжёлых прений я наконец торжествовала. Уговорились так: общество даёт сто тысяч рублей на постройку, а муж внесёт за меня двести тысяч в Министерство народного просвещения в обеспечение училища моего имени.

День, когда это решилось, был одним из самых счастливых в моей жизни, сердце преисполнилось радостью. Я чувствовала, что у меня точно крылья выросли. Много зато за этот день я наслушалась и несурразностей. Одну из них следует запомнить как очень характерную со стороны Г.

Наши взвинченные нервы после бесконечных споров стали понемногу успокаиваться. Разговор мало-помалу стал принимать дружеский, примирительный тон. Вероятно, желая мне польстить, сказать что-нибудь любезное, Г. вдруг говорит мне: "Вот, княгиня, вы, у которой так много вкуса, нарисуйте-ка нам красивый фасадик ретирата... Мы намереваемся настроить их на заводе в большом количестве..." Сказано это было с улыбкой и большим добродушием. Я не нашлась и ничего не ответила на эту пошлость.

На месте никого прежде не радовавшего парка наконец выросло прекрасное каменное здание: "Училище ремесленных учеников имени кн. М.К. Тенишевой".

Алексей Михайлович Смирнов, способный, деятельный техник, выработал новый устав удешевлённого типа училища. Писал он его в Петербурге, рядом с кабинетом директора департамента, и тот очень поощрял его своими советами. Затем устав и прошение были поданы в Министерство народного просвещения.

Дело шло медленно, по-русски, томительно долго, несмотря ни на какие хлопоты. Нам ничего не разрешали и не утверждали. Зато мы не теряли времени. Помолвившись, с благословения того же отца Азбукина, мы давно действовали. Занятия училища шли полным ходом, не дожидаясь утверждения устава, и через три года, как раз по получении утверждения, мы торжественно отпраздновали первый выпуск [В мае 1896 г.].

Из прежней грубой скорлупы вышли деловые, способные юноши, настоящие люди. Впоследствии все они вышли на дорогу, получили хорошие места, знания их сейчас же находили себе применение и хорошо оплачивались. Например, один из учеников первого выпуска, Ермолаев, служит теперь на Николаевском судостроительном заводе агентом по сдаче котлов, получая ежегодно до трёх тысяч рублей.

Не могу описать, какое высокое, благодатное чувство порождало во мне сознание выполненной задачи!...

В будущем прямым путём для наших учеников, несомненно, был завод, куда они и поступали по окончании, завоеывая самые лучшие отзывы. Но тут я встретила препятствие в лице И. Ему училище сразу пришлось не по душе. Он предпочитал держать на заводе самоучек, тёмных людей, боясь, вероятно, что наша молодёжь из преданности что-нибудь разболтает, обличит. Смирнов стал понемногу жаловаться, что в училище туго поступают ученики. Оказалось, что И. стал принимать на завод тринадцати-четырнадцатилетних ребят на всевозможные работы с платой до полутора рублей в день. Само собой разумеется, что на такой заманчивый заработок мальчишки бежали толпами, не сознавая, что когда-нибудь горько пожалеют об утраченном времени, оставшись без специального образования.

Мне пришлось учинить целый поход против И. Обвинить его открыто в недоброжелательстве было невозможно. Было известно, что и до училища на подёнщину брались полувзрослые парни. Это делалось иногда как одолжение некоторым заслуженным мастерам – брали трёх, четырёх подростков, чтобы они тут же при отцах обучались столярному или слесарному делу. Пришлось пожаловаться мужу, который тоже стал напирать на И., а тот – увёртливо сваливал всё на главных мастеров. Долго я билась, не раз объяснялась с И., надоедала мужу и только тогда успокоилась, когда на заводе было установлено правило, что на работу туда могут поступать юноши не моложе семнадцати лет.

И. на этом не успокоился. Он тогда совсем прекратил приём наших учеников на завод, ссылаясь на неимение свободных мест. Таким образом, ученикам по выходе из училища приходилось искать счастье на других заводах. Нет худа без добра, вышло это к лучшему: наших мастеров очень ценили, и училище стало известным, а И. и его клика потеряли всякое значение в судьбе учеников. Мы стали всё чаще получать запросы из разных мест о присылке знающих своё дело мастеров...

Евгений ЭРАСТОВ

Родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А.М. Горького. Доктор медицинских наук. Автор семи поэтических и четырёх прозаических книг, а также более двухсот публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А.М. Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (Германия, 2014), литературной премии имени Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014) и многих других.

Победитель нескольких международных поэтических конкурсов. Член Союза писателей России.

* * *

Что, Эвтерпа, ты шепчешь мне в ухо?
Погоди, я достану блокнот.
Вороха тополиного пуха
Буйный ветер по пляжу несёт.

Мы с тобою вдвоём не случайно
В этот час на речном берегу.
Есть меж нами особая тайна,
Я её ото всех берегу.

Трав июньских размах и невинность.
Ежевичный причудливый склон.
Не моя в этом, право, провинность,
Что отметил меня Аполлон.

Не моя в этом, право, заслуга,
Что я пил из кастальской струи,
Что на ухо шептала подруга
Сладкозвучные строки свои.

Очаруй меня сорной половой
И заgrabной коврижкой медовой,
И пахучей болотной травой.
На сиринге своей тростниковой
Просвисти над моей головой.

МУЗЕ

Ну какого такого рожна
Ты трезвонишь ночью порою?
Для чего ты мне в жизни нужна?
Кто ты мне? Ни сестра, ни жена.
Что с того, что в меня влюблена?
Я сегодня тебе не открою.

Для чего ты приходишь сюда,
В громоздящийся мир мышеловок,
Где замёрзла живая вода,
Где надрывно гудят провода
Посреди узколобых ментовок?

Ну к чему мне твой птичий язык?
Я к нему не привык, не привык,
В нём так много согласных свистящих!
Знаю – дорог, да мал золотник.
Так не мой ли щебечет двойник
Соловьём в опечаленной чаше?

Не тревожь мои тёмные дни.
По ночам ты ко мне не звони,

Делу – время, но всё ж искони
О потешном все думают часе.
Отдыхай-ка от этой возни
На Олимпе, душа, на Парнасе.

* * *

Помню всё: облепиховый куст,
Прилежанье улиток оглохших
И кузнечиков сорокоуст –
Поминанье живых и усопших.

Пролетарскую волю травы,
Мать-и-мачехи раннюю зрелость,
Своеволье апрельской листвы,
Инфантильность её, мягкотелость.

И крутую тропинку к Оке,
И кривые замёрзшие лужи,
И синицу в озябшей руке,
Что ничем журавля и не хуже.

Стаи галок на мокрых стогах,
Буераки, овраги, канавы,
Едкий дым на притихших лугах –
Аллегория жизни и славы.

И безвылазность русских дорог,
И бесхозную жизнь на потребу,
И бескрайний Небесный Чертог –
Целокупное звёздное небо.

* * *

Эти красные ягоды бузины
В этом мокром, неровном, кривом лесу
Мне в награду за тёмные дни даны.
Я люблю эти ягоды и росу.

Я люблю эти ягоды и следы
От слизи на серой шляпке гриба.
Целокупный мир дождевой воды.
Не внушайте мне только, что жизнь – борьба.

На тропинке – крапивниц цветной аврал,
Лягушонка белый смешной живот.
И ты можешь назвать меня «либерал»
(Я свободу люблю!) или «патриот»,

Потому что счастливее нет страны,
Где ты можешь увидеть в кривом лесу
Эти красные ягоды бузины,
Эту птицу, парящую на весу.

Денис ЛИПАТОВ

Родился в 1978 году в г. Горьком. Окончил инженерно-физико-химический факультет НГТУ им. Алексеева. Стихи и проза печатались в журналах «Нева», «Континент», «День и Ночь», «Крестьянин», «Волга», «Урал», «Звезда», «Интерпоэзия», «Нижний Новгород», «Новая Юность», «Графит», «Новая реальность», «Ликбез» и др. Автор книги стихов «Другое лето» (2015), книги рассказов «Науки юношей» (2018).

***

Один мой друг – он стоил двух
Он стоил трёх и четырёх,
Он надевал зимой треух,
И вовсе не был пустобрёх.

Под поезд прыгал не шутя –
Вот остолоп!
А поезд ехал несмотря,
Что все кричали: стоп!

Проехал поезд, все бегут,
Боятся и смотреть,
А он стоит, дудит в дуду,
Помолодев на треть.

СТИХИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

То Шемяка, то Дмитрий Жилка
Так и вертятся на языке,
Разбавляя кривою ухмылкой,
Пьют рябину на коньяке.

Будто хлебный катается мякиш,
Между ними Василий Шемячич.
Посылают его за второй,
Говорят: «Ты ещё молодой».

Всю дорогу у них потеха –
То борисова вяжут щенка,
То по морде друг дружку для смеха
Отovarивают слегка.

То завидки берут к Иванам,
Да к московским тугим карманам –
Счастья думают попытать,
Да сильна у Иванов рать.

А Иван, хоть четвёртый, хоть третий,
Тоже держит их всех на примете,
Да мастырит тюрьму для Шемяк,
Да в коньяк подсыпает мышьяк.

***

Стояла Достоевская погода:
Февраль в обнимку с ноябрём,
Раскольников курил ещё у входа,
Смотрел на всех нетопырём.

Князь Мышкин плюхал за трамваем,
Рогожин в джипе пёр на тротуар,
Фома Фомич почти незнаем
на радио о чём-то тёр базар.

Дома смотрели косо и уныло,
видать, за каждым прятали окном
бомбистов, чтоб их просквозило,
телегой задавило за углом.

Виня отца во всём, что наболело,
любой подросток, как Наполеон,
за пустячок считал любое дело
и всё грозился выиграть миллион.

Во всём, видать, погода виновата –
Февраль в обнимку с ноябрём:
хотелось встать с пикетом у Сената
и обзвать кого-нибудь ворьём.

Хотелось спорить за горячим чаем
о Марксе, о французских леваках,
разбогатеть каким-нибудь случаем
и снова проиграться на бегах.

Всё это блажь, твою литературу!
Февраль в обнимку с ноябрём.
Осваивай, Софи, клавиатуру
и к Свидригайлову иди секретарём.

***

Приметы вроде хороши,
а настоящее – не очень.
Пиши, а лучше – не пиши,
и будешь короток и точен.

Ты лучше никого не тронь,
утомонись, постой в сторонке:
сам по себе горит огонь,
и ветер кружится в воронке.

Сама собой и жизнь прошла,
как расторопная хозяйка –
с утра до вечера дела,
и ты ей лучше не мешай-ка.

Она сама всё приберёт,
одна управится прекрасно,
она всё знает наперёд,
да и с тобой всё ясно.

Галина ТАЛАНОВА

(Бочкова Галина Борисовна) – биофизик, кандидат технических наук, автор восьми книг стихов и пяти прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде. Работает в ООО НПО «Диагностические системы». Лауреат премий «Болдинская осень» (2012), журнала «Север» (2012), им. М. Горького (2016), Нижнего Новгорода (2018), золотой лауреат международного конкурса «Её Величество книга!» (Германия, 2016), золотой дипломант VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016), дипломант международных конкурсов им. О. Бешенковской (Германия, 2015), им. де Ришелье (2016, 2017), им. Мацуо Басё (2016), премии-ордена им. Кирилла и Мефодия (2016), «Русский STIL» (Германия, 2017). Имеет более 150 публикаций стихов и прозы.

* * *

Маме

В тот март слепило солнце за окном
И жмурились прохожие с улыбкой.
И в панцире прозрачном ледяном
Искрились, как серебряные слитки,
Обломанные ветки на снегу,
Ещё не чёрном, но уже осевшем.
Я задыхалась, словно на бегу,
Тонула будто в этом ветре вешнем,
Что дул в лицо,
Как ветер штормовой,
Набухший влагой и горчащий солью.
И ты была в тот день ещё живой
И гладила мне волосы с любовью.
И видела ты море за окном
И солнце, что стояло за туманом.
И становился точкой милый дом,
Хоть птицы возвращались караваном.
Была не здесь,
Но и пока не там,
Где корни оплетают изголовье.
И звал маяк к далёким берегам,
Пульсировал,
Как сердце, тёплой кровью...

* * *

Не уходи из памяти моей
И шелести травой вдоль дороги.
Являйся на стене среди теней.
Кидайся, как пырей ползучий, в ноги.
Репьём цепляйся за цветастый клёш,
Собачками останься на подоле.
Я так боюсь, что навсегда уйдёшь –
И буду слышать буйный ветер в поле.
Свети во мгле далёким маяком
И посылай сигнал предупрежденья.
И волосы трепли мне сквозняком,
И среди сна являйся наважденьем.
Пока жива,
Живёшь и ты во мне.
Я, как лунатик, вновь иду по краю.
Я снова в поэтической волне
И лунный свет в кошёлку собираю.
А ты свети,
Веди меня во мгле.
Пусть босиком иду сквозь боль по стёклам,
Что звёздами мерцают на земле
И посылают всполохи мне в окна.

* * *

Я отчий дом,
Как старый плащ,

Латаю:

Заплатка тут
И штопка скотчем там.
Переживёт меня? –
Уже не знаю.
Но яблоки летят ещё к ногам:
Зелёные,
Налившиеся соком,
Что сводит скулы, обжигая рот.
Я думаю о вечном, о высоком,
И копошусь в земле, как старый крот.
Когда уйду нелёгкими шагами
В заоблачный, в тумане скрытый сад,
Что больше не возделывать руками,
Не выдержит дом дождики и град...
И упадёт с последним снегопадом,
Не удержав с горы ручьёв поток.
И никого не тронет та утрата,
Хотя придут соседи на порог
И, головами светлыми качая,
Поэтов вспомнят,
Что хранили дом
И, если пели, только о печали,
Но память вспыхнет пёстрым лоскутком,
Заплаткой яркой... –
От сего ли мира? –
Что не истлела в шелесте дождей,
И черпали в саду для пеня силы,
Как тот насквозь промокший соловей.

* * *

И снова дождь,
Как чёлка на ветру,
Стекает на веранде с ржавой крыши.
Он зарядил сегодня поутру,
И сад опять побито влагой дышит.
Гнилой июль...
И ластится тоска,
Клубочком, словно кот,
Свернулась вновь под грудью.
И жалобно скрипит под тапками доска.
И капли на листе блестят тяжёлой ртутью.
Откуда эта страсть: как будто к волосам
Приникнуть, ощутив,
Как хлещут в щёки струи?
Размеренная жизнь по световым часам.
Притихшие стволы, как чёрные статуи.
Как будто бы стоят родные под дождём.
Холодная вода стекает на колени.
Я мухой замерла, уткнувшись в окоём,
И не очнусь никак, прижавшись к мокрой стенке.

Екатерина МОРДОВСКАЯ*Журналист, режиссёр, прозаик.**Окончила факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и ВГИК им. С.А. Герасимова, режиссёрский факультет (мастерская Марлена Хуциева). Кандидат филологических наук. Член Союза журналистов России. Пишет на русском и испанском языках.*

Брат мой Иона

Если подняться наверх по улице Герцена от проспекта Маркса, затем свернуть направо, на улицу Неждановой, то по левую руку, аккуратно перед палатами семнадцатого века, в доверчиво прижавшемся к ним трёхэтажном здании можно увидеть старую деревянную дверь. Это и есть обувная мастерская Семёна Моисеевича.

Надо с силой потянуть эту тяжёлую массивную дверь на себя, взявшись за отполированную многими ладонями деревянную ручку, схваченную с концов холодным белым железом, и попасть в невероятно уютный мир, пропитанный запахом гуталина, резины, клея и кожи, смешанной с запахом человеческих ног.

На полках выстроена обувь. Сапоги с поникшими голенищами, ботинки с дерзко выпирающими носами, надменные лаковые туфли на шпильках. Их много, они заполнили все пять рядов. Мастерская пользуется популярностью. Сюда заходят местные жители, студенты из консерватории, с журфака.

Семён Моисеевич сидит, склонив голову с редким пушком седых волос, похожий на невесомый одуванчик; примеривается, чтобы прибить толстую резиновую набойку на чёрный сапог. Откладывает его в сторону, чтобы точно по размеру вырезать резиновый полукруг. Сапог падает рядом, облегчённо вздохнув, словно больной, обрадовавшийся отсрочке операции.

Семён Моисеевич смотрит в окно на бушующую сирень, что загораживает свет, бьётся ветками в стекло, пытается заполнить комнату лиловым дурманом. Слышит мерный тоскливый скрип старых ржавых качелей в соседнем дворе. Очередное московское июньское утро.

В мастерскую входил всегда без четверти восемь. Он слегка подволакивал правую ногу, а потому шагал так: «шаарк» – правая скребёт по асфальту, «топ» – левая уверенно ступает на каблук. «Шаарк – топ», «шаарк – топ». Из-за этого местные прозвали его «тридцать девять – топ», сравнивая с сороконожкой, у которой все лапки в порядке, а одна сломана.

История с ногой приключилась ещё в детстве. Когда отец,

в очередной раз снял ремень с гвоздя и замахнулся, Семёна инстинктивно прикрылся руками, попятился и, не заметив стула, упал. Отца это почему-то разъярило ещё больше, он подошёл и наступил на лодыжку всем весом. Семёна уплыл в красное море боли.

Давно уже свyksя со своей походкой, испытывал некое изумление перед человеческими ногами. Они казались ему не совсем принадлежащими телу, будто жили сами по себе. Удивляла ступня, способная выдерживать вес всего тела; то, что ноги – правая и левая – так симметричны. Возможно, вот это любопытство, восхищение и непонимание человеческих ног и заставило его пойти в сапожное ремесло. Он чинил, изготавливал обувь на заказ, сам мастерил колодки. Знал, что в некоторых странах делают обувь без деления на правую и левую. Человек надевает обувь и со временем она сама принимает форму ноги, меняясь, подстраиваясь под конкретную ступню. Эта податливость и понятливость обуви изумляла, вызывала восхищение и даже некий трепет.

Семён Моисеевич заваривает чай. Наливает кипяток в гранёный стакан. Чаинки кружатся, окрашивая воду из янтарного в медовый, тёмно-каштановый, медленно оседают. Он наблюдает за ними. Громко тикают часы, булькает радио. Всё-таки он ловко спрятался. В самом сердце Москвы, где его не найдут, никому и в голову не придёт. Семёна умный. Таки да.

Есть в этом некая ирония, насмешка судьбы, что именно здесь, недалеко от православного храма Вознесения Господня спрятался Семён Моисеевич. Он взглядывает иногда в окошко, слушает звон колоколов под карканье ворон, кивает удовлетворённо: всё в порядке, он в домике.

Потому что помнит и не забудет уже никогда.

Отца взяли утром. Сёма увидел троих, скрипевших кожей, с револьверами. Старшие брат с сестрой умные: носу не высунули, так и лежали, притворяясь спящими. А Сёма, дурак, вышел, держа за руку трёхлетнего Иону.

Зачем он вылез из-под нагретого уютного одеяла, зачем спустился босыми ногами на холодный пол, оказавшись полностью беззащитным, представ перед ними? Они его увидели. Это было такое обжигающее чувство ужаса. До головокружения, до немоты и нехватки воздуха, страх от реальности происходящего, что вот она пришла, настоящая беда. Он вдруг понял, что вся его будущая жизнь уже кончилась, сломалась, как веточка. Была – и нету.

Мама в это время жарила оладьи, но, увидев кожаных, застыла, забыв про сковородку. И вот этот прогорклый запах горящего масла и обуглившись круглых лепёшек навсегда связался у Сёмы с бедой. Отец молча, покорно одевался. Те оглядели дом, скрипя куртками. Да что там смотреть. Обычный нищенский быт.

Потом Сёма побежал на берег Чуи. Чтобы выкричать, исторгнуть свой страх. Иона телепался рядом. Сёма упал на берег, лежал, обняв твёрдую комкастую землю, чувствуя колкие травинки под щекой. Иона приполз, лёг рядом, прижался. Брат мой...

Без отца жили плохо. Вкуснее чёрного хлеба не было ничего. Сёма любил натирать подсушенный ломтик долькой чеснока, тот исчезал, истаивал, покрывая пористую поверхность, оставляя терпкий, щиплющий язык вкус. Обязательно делился с Ионой. Сидели, жуя, глядя на беспокойные волны Чуи.

Иногда втайне от матери ходили с Ионой на рынок. Там цыгане торговали семечками. Насыпали крупные чёрные зёрна в газетный кулёк, зачерпывая из щедрого ведра. Сёма доставал из кармана монетки, другой рукой крепко держал Иону, знал, что цыгане воруют детей. А уж Иону и подавно украли бы, ведь он такой ладный: вихрастый, глазастый, смыслённый. Держа пакетики, уходили с базара, стараясь не смотреть по сторонам, не отвлекаясь на запахи и на еду. Садились во дворе на брёвнышке, сплёвывая шелуху на сырую рыжую землю, смотрели на закат. Семечки пахли маслом и упруго щёлкали на зубах.

Любили ходить на почту. Смотрели на волшебные телефонные кабинки, которые могли связать со всей страной, вдыхали запах горячего сургуча от отправляемых посылок, рассматривали в витринах нарядные почтовые открытки на все праздники: от Нового года до 7 ноября.

Заходили в книжный, что был рядом со школой. Там пахло иначе. Сёма раскрывал какую-нибудь книгу и нюхивался, подносил к носу Ионы. Они смотрели друг на друга, улыбались, словно заговорщики. Понимали друг друга без слов. Книга пахла живой бумагой и краской, чем-то неизведанным: приключениями, новой, другой жизнью. И они тоже осмеливались представить себе иную жизнь. Какая же она может быть? За двадцать копеек покупали лотерейный билетик, крутили прозрачный пузатый барабан и, замерев в ожидании, смотрели на вихрь бумажек, словно судьбу свою, участь ожидая. Порой судьба дарила рубль.

Однажды получили посылку от родни из Черновцов. Несли с мамой небольшой, но увесистый ящик, гадая, что же там, внутри. Тащили с двух сторон, поочередно меня-

ясь местами. Дошли до обледеленого мостика, осторожно, хватаясь за перила, смогли забраться.

Семенили, стараясь удержать равновесие. Почти добрались до середины, и тут мама вдруг поскользнулась, упала, разжала руки – ящик задорными санками покатился вниз и радостно ухнул в реку, проломив ледяную корку. Сёма с мамой долго смотрели, как он погружается в чёрную злую воду. Домой вернулись в молчании.

Мама, на манер местных, смастерила Сёме торбаса для школы. Мягкие кожаные длинные сапоги до колен с завязочками. Тесёмки иногда развязывались (кто-то якобы случайно наступал на них), и тогда Сёма с размаху падал, больно ударяясь лбом о крашенный пол. Он уже тогда всё понял, под этот довольный жирный хохот и улюлюканье. Понял, что надо быть как можно незаметнее, мельче. И решил выжить. Просто надо было найти своё укромное место, свой домик.

Папа вышел через пять лет. Вернулся бессловесный, озябший, пить начал. Спрашивать боялись. Вопросов не задавали. Левая рука была покалечена. Пользоваться практически не мог. Хорошо, что левая.

Его взяли писарем в НКВД. Каждый день ходил на работу, вернувшись, выпивал бутылку водки. После жестоко и мрачно бил маму. Потому что добрые люди рассказали, как ходил к ней тут один, продуктами помогал. Когда Сёма бросался на защиту, бил и его. Старшие лежали, спрятавшись. А Сёма всё кидался. Дурак, ей-богу. Отец бил кожаным ремнём с тяжёлой бляшкой, снятым со вбитого толстого гвоздя; попавшимися под руку верёвками; пинал, скрюченного на полу, стараясь попасть в живот. Сёма сжимался ещё сильнее, катался, как мячик, по полу. Отшвырнув Сёму в угол, отец, качаясь, путаясь в ногах, держась за стены, обессиленно падал на топчан.

Потом звал Сёму тёмным животным рыком, приказывал лечь в ноги и клал свои большие холодные ступни ему на живот. Сёма сперва сжимался, но постепенно ноги отца оттаивали, теплели, тогда Сёма осторожно переворачивался и подставлял спину. Отец упирался наждачными подошвами и засыпал, тяжело и тревожно дыша. Сёма лежал, чувствуя неуклюжие, натерпевшиеся ноги отца, и жалость взмывала к сердцу.

Но однажды случилось непоправимое. Всё закончилось. Мама не встала. Не проснулась после побоев. Лежала, сжавшись, словно спала, даже подложила руку под щеку. Нашёл её Сёма. Хотел закричать, но не смог. Что-то булькало в горле, пытаясь вырваться, распирая изнутри, давая лишь пульсирующее дыхание. Погладил холодную щеку. И понял, что теперь, кроме Ионы, больше никого нет.

Смерть мамы списали на сердечный приступ. Хотя все в округе знали, что произошло. Отца сторонились. Стали жить ещё хуже.

Сёма с Ионой всё чаще уходили на Чую. Там они по-прежнему жевали чёрный хлеб с чесноком. Смотрели на волны. Сёма сажал Иону на колени, утыкался носом в волосы, чтобы согреть нос, и чувствовал сладкий молочный запах, животный и такой настоящий. Иона хватал его руки своими неуклюжими пальцами, сопел счастливо, втягивая соплю. Неловко обнимал, заглядывая в глаза.

А в конце лета, на исходе августа, отца нашли у реки. Официальное заключение гласило: «утопление вследствие алкогольного опьянения». Рядом валялась пустая бутылка водки. Тяжёлым чугунным шаром ухнуло сердце.

Сёма догадался, понял всё разом, и тёмный удушающий страх перед людьми в форме, что скрипели кожей, снова вынырнул и схватил холодными пальцами за горло. Сёма понял, что когда-нибудь придут и за ним. Папа никогда не купался, потому что не умел плавать. А в августе вода в Чуе была ледяная.

Потом был детдом. Старших разобрали родственники. Сопли подтирать не надо – почти взрослые, да и в хозяйстве можно использовать. А их с Ионой сдали. Сёма помнит высокие потолки, запах хлорки, смешанный с запахом кислой капусты. Иона всё время шмыгал носом, ботинки были мокрые у обоих. Воспитательница подошла, попыталась разжать руки. Не получилось. Сёма держал крепко. Иона спрятался за его спину. Подошла вторая надзирательница. Вдвоём они расцепили пальцы. Иона закричал, забился. Сёма почувствовал, что происходит что-то страшное, нечеловеческое, пытался охватить события, связать между собой, спасти и удержать, быть рядом.

Иону увели. Сказали, что должен находиться в другой группе. Сёма смирился. Бегал к нему, спрятанную еду таскал. Обнимал, прижимал к себе, прямо к сердцу, слышал, как бьётся его – воробушкой. Два страшных года в детдоме. Родне было всё равно. Вычеркнули.

Потом Сёма вышел, но Иону не выпустили по возрасту. Сёма всё ходил к нему с едой. Встречались, сидели у грязного окошка в длинном пустом коридоре, «братик мой родной»... А в один день сказали, что не надо уже приходить. Что умер от тифа. Нету его больше.

Сёма постоял, кивнул, развернулся, толкнул тяжёлую дверь и вышел.

Стояла поздняя осень, дорожная грязь уже схватилась от мороза, но на деревьях всё ещё держались рыжие листья. Сёма подумал, что земля ещё не промёрзла, это хорошо. Оглянулся вокруг.

Улица была короткой. Справа кривились бараки вперемешку с частными домами, слева стояло общежитие для слепых, а за ним – длинное деревянное здание морга с мутными окнами, замазанными грязно-белой краской изнутри.

Когда Сёма подошёл к бревенчатому дому, что неприлично желтел своей новизной на фоне других, потемневших от дождей и снегов; он ещё не знал, что скажет и скажет ли вообще. На его счастье старшая сестра развешивала бельё во дворе.

– Здравствуй, Настя.

– Здравствуй, Сёма. Чего пришёл?

– Мне доски нужны. Вы же отстроились только что. Может, осталось что-нибудь?

– Какие доски? Ты что?

– Мне нужно очень.

– Зачем?

– Надо, – Сёма отвернулся. – Не бойся, мне немного надо.

Настя вздохнула, оглянулась на дом и повела Сёму в сарай, где накрытые брезентом, лежали аккуратно сложенные доски.

– Горбыль только. Возьмёшь?

– Возьму.

Ну и что, что горбыль. Он рубанком снимет колючую кору; обработает так, что ладонью можно будет провести и ни одной занозы не поймать. Вот только работать надо очень быстро. Времени – мало.

Когда он пришёл в детдом и поставил на стол деревянный ящик, воспитательница не поняла. А когда поняла, закричала, затопала, замахала руками: «Всё-всё, опоздал! Поздно уже, уходи-уйди! Придумал тоже! Мы сами всё делаем! И гроб свой забери!!!»

Сёма остался один. Навсегда и бесконечно. С гладким лёгким ящиком, в который положить было некого.

Звякнул звонок и Семён Моисеевич поднял голову, взглянул на вошедшего, легко скрипнувшего кожаной курткой. Этот звук опрокинул его в прошлое, заставив сердце биться чаще. Это был отец. Только в очках почему-то. Отец подошёл, снял очки и, странно кривя рот, произнёс: «Ну вот я и нашёл тебя, Сёма. Я брат твой – Иона».

Сёма молча кивнул, обернулся к полкам, начал перебирать обувь, разглядывая стоптанные подошвы.

– Сёма, это – я, Иона!

Сёма снова кивнул, не глядя.

– Я понял. Мне надо набойку найти. Сегодня женщина придёт, так просила. Надо закончить работу...

– Я не умер тогда. Тебя обманули. Меня усыновили, они не хотели никаких родственников...

– А я тебе гроб сделал... – зачем-то сказал Сёма.

– Я знаю. Мне так и сказали: приходил, мол, брат твой малахольный. Сам похоронить хотел?

– Да, сам, – На него снова повеяло холодным осенним воздухом, запахом свежих стружек.

– Я хотел тебя найти, но не смог, я же маленький был. А так, в хорошую семью попал. ПТУ закончил, потом в армию пошёл...

Он что-то говорил, а Сёма пытался додумать какую-то очень важную мысль, но не помнил, какую.

–... Одним словом, всё у меня хорошо. Работаю. Как папа... А ты хорошо спрятался, Сёма, – он коротко хохотнул, большой отцовской ладонью провёл по седым волнистым волосам. – Я долго тебя искал. Связи служебные пришлось использовать, так и нашёл. Сёма?..

– Да-да, сейчас, – Семён Моисеевич судорожно искал что-то на полках, бездумно перебирая пары. Ах да, вспомнил. Вот это, забытое почти, вогнанное далеко в подсознание – «и гроб свой забери!» Он уже похоронил Иону, оплакал его тогда, а кто этот незнакомец – он не знал.

Преодолевая головокружение от покачнувшегося мира, выталкивая с усилием слова, он быстро соображал, что можно сделать, как сбежать от этого страшного человека, в глазах которого стояла смерть.

Никак не мог совместить картинку прошлого, маленькую ладошку Ионы и вот этого ухмыляющегося, кривящего лицо человека, так похожего на отца.

Испуганным воробушкой вспорхнуло сердце, заметалось, застучало скоро, захлёбываясь. Сёма не хочет видеть ещё раз посиневшую руку отца, белое мучное опухшее лицо. Он мотает головой, бормочет «я открою окно», встаёт на низенький табурет, тянется к форточке, поворачивает тугую ручку, распаивает, впуская в мастерскую тёплый свежий ветер, что вздувает его снежный пушок на голове.

Воробушек почуял воздух, забился в рёберной клетке, вырвался и – улетел. Он летел над Большой Никитской, к Моховой, к Кремлю сворачивать не стал, сделал круг и полетел на восток, к реке.

Чуя ждала.

Продолжаем путешествие по центральным областям России. Сегодня предлагаем посетить город Тверь. Здесь есть на что посмотреть. Есть о чём вспомнить и связать прошлое с настоящим...

ТВЕРСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Тверь. Видь за рѣкой Тъмакой.

Несомненно гостям города стоит посетить Путьевой дворец – жемчужину Твери.

Императорский путьевой дворец в Твери построен во второй половине XVIII века по проекту архитектора Петра Романовича Никитина. Роскошный особняк возведён на площади в центральном районе города. Сейчас это улица Советская, там, где она выходит к Староволжскому мосту. Такое расположение выбрано не случайно, ведь в то время через Тверь проходил Петербургский тракт, связывающий северную столицу с Москвой. По долгу службы дорогой пользовались высшие государственные чины и сама императрица Екатерина II. Именно поэтому здесь было решено постро-

ить небольшой дворец, где можно с комфортом отдохнуть и переночевать после долгого пути. Отсюда и название дворца – путьевой. 12 февраля 1767 года Тверской путьевой дворец посетила императрица Екатерина II.

Тверской императорский дворец – настоящая жемчужина города, с богатой строительной историей.

Здание неоднократно перестраивалось и реконструировалось различными архитекторами, благодаря чему впитало в себя элементы нескольких архитектурных стилей, включая классицизм и барокко.

Главный корпус дворца двухэтажный и выходит фасадом на берег реки Волги. К нему прилегает въездной двор и

Стверью тесно связана история моего рода. Оказывается, здесь в военной академии учился мой дядя – Иван Петрович Передельский (родился 20 ноября 1919 года в селе Хотимль Хотынецкого района Орловской губернии), в 25 лет ставший гвардии майором. Экстерном окончил 1-е Ленинградское артиллерийское училище, а затем с отличием – Военную академию в г. Калинин. Служил на Карельском фронте, позже – на 2-м Белорусском. Погиб 2 марта 1945 года при штурме Роммельсбурга. Посмертно представлен к званию Героя Советского Союза...

По его настоянию младшая сестра Анна (моя мама) приехала в Калинин, поступила в театральное училище. Но война спутала все карты. Он отправился воевать, она – тоже на фронт, но с концертной бригадой. Больше они не виделись. Вот такая семейная история.

Геннадий МАЙОРОВ

Я, Майорова Анна Петровна, родилась 28 декабря 1925 года в д. Кузьминково, Хотынецкого района, Орловской области, в семье слесаря-героя империера. Национальность русская. В 1941 году закончила девять классов и уехала год на подготовительных курсах – Карельский в артиллерийском училище в Калинин, где проживала со старшими братьями (Брат ушел в Великую Азию). С началом войны 1941 года работала в артиллерии в концертной бригаде.

И.П. Передельский

Старое и новое здания военной академии

А.П. Передельская (Майорова)

пристроено два выдвинутых флигеля. Во дворце находился приёмный зал, императорские покои, церковь и библиотека. Также на территории имелась конюшня и каретный двор.

В первой половине XX века для путевого дворца в Твери началась сложная времена. Во время революции здание заняли большевики, разместив в нём совет рабочих и крестьян. Всё бы ничего, но в 1935 году новые постояльцы полностью разрушили доминанту всего дворцового комплекса – Спасо-Преображенский собор.

С началом Великой Отечественной войны зданию был нанесён значительный ущерб. Но уже в 1946 году начат ремонт

внешних фасадов. Полноценная реставрация началась только в 2012 году. 30 ноября 2017 года Императорский путевой дворец в Твере был полностью восстановлен и открыт для посетителей.

Сегодня в отреставрированном здании размещается экспозиция Тверской картинной галереи. Коллекция включает в себя предметы европейской живописи XVII–XVIII веков, уникальные фрески XV–XVI веков, старинные иконы и множество других предметов искусства. Возраст самой старой из картин около 600 лет. Кроме того, здесь находятся музей архитектуры и литературы...

Элина СУХОВА

Поэт, прозаик. Окончила Историко-архивный институт (РГГУ), Литературный институт им. Горького, аспирантуру МГУ им. Ломоносова, кандидат исторических наук. Член Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра. Член секретариата и приёмной комиссии Союза писателей Москвы. Лауреат Волошинского конкурса. Стихи и проза публиковались в журналах «Арион», «День и ночь», «Дружба народов», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Кольцо А», «Литературная учёба», «Октябрь», «PROSODIA», «Пролог», «Студенческий меридиан», «Юность», и др., в различных сборниках и альманахах. Автор четырёх книг стихов и одной – прозы. Живёт в селе Гжель Московской области.

***

Я сказала у кассы:
 Дядя,
 Не забудьте свои покупки!
 Сама ты тётя –
 Рыгнул он пивом,
 Бутылку взял
 И ушёл.
 Я сказала у кассы:
 Молодой человек,
 Можно подвинуть тележку?
 Извините бабуля –
 Шарахнулся он –
 И подвинул тележку
 И кассу.
 Я сказала у кассы:
 Дедушка,
 Вам авоську
 Помочь донести?
 Что вы, девушка –
 Захихикал он –
 Я и сам ещё ого-го!
 Я спросила у сына,
 У взрослого сына,
 Кто я –
 Девушка?
 Бабушка?
 Тётя?
 Хватит маяться дурью,
 Сестрёнка! –
 Ответил мой взрослый сын.
 А я шлем нацепила –
 Сестрёнка!
 Вскочила на скутер –
 Сестрёнка!
 На конюшню помчалась –
 Сестрёнка!
 Седлать своих лошадей...
 Потому что и правда
 Сестрёнка.
 Покуда ещё
 Сестрёнка.
 Ближайших лет тридцать
 Сестрёнка.
 А кто ты потом,
 Сестрёнка?
 А потом
 Есть много идей!

***

Лет в десять я поняла,
 что не готова к встрече с чудом.
 Вдруг завтра

золотая рыбка,
 благожелательная фея
 или волшебное колечко,
 а три желания –
 чтобы спасти от старости,
 смерти
 и любой беды
 всех родных и близких –
 не сформулированы!
 Я серьёзно подошла к вопросу.
 Штудировала литературу,
 делала выписки,
 боролась за каждое слово.
 Ведь мои три желания
 должны быть
 чёткими,
 ясными,
 всеобъемлющими,
 лаконичными
 и не допускать двойных толкований!
 Я годами шлифовала формулировки,
 добиваясь идеального решения
 поставленной задачи.
 Сегодня я уверенно говорю:
 абсолютная формула спасения есть!
 Жаль только, все,
 кого я хотела сберечь,
 за это время умерли.
 А я перестала верить
 в золотых рыбок,
 благожелательных фей
 и волшебные колечки...

***

От пункта К до пункта Р
 Автобусный маршрут
 Туда-сюда раз пять на дню
 Плывёт как в облаках.
 Коль счастья хочешь – так езжай
 Скорей до пункта Р:
 Макдональдс там,
 Кино, бассейн,
 И клуб, и ресторан.
 А если показал тебе
 Автобус стоп-сигнал –
 Будь счастлив здесь.
 Здесь тоже жизнь,
 И свет, и интернет.
 Три магазина,
 Почта есть,
 И школа,
 И детсад.

Сегодня я уверенно говорю...

Дана КУРСКАЯ

Родилась в Челябинске, живёт в Москве. Поэт, издатель, культуртрегер. Автор пяти книг стихов. Член Союза писателей Москвы. Организатор Международного ежегодного фестиваля современной поэзии MUFEST. Основатель и главный редактор издательства «Стеклограф». Главный редактор литературного журнала «ДК». Основатель Международной поэтической премии MUPRIZE — для авторов возрастной категории от 35 лет. Основатель семинаров MUTALK для авторов от 18 до 35 лет. Лауреат Всероссийской поэтической премии «Лицей» (2017). Победитель Всероссийского конкурса имени И. Рождественского (2020). Лауреат премий: передачи «Вечерние стихи» (2014), «Живая вода» (2015), «Всемирный Пушкин» (2020), «Русский Гофман» (2020, 2021), журнала «Эмигрантская лира» (2020)... Публиковалась в журналах «Знамя», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Волга», «Юность», «Крещатик», «Дети Ра», «День и ночь», «Аврора», «Москва», «Эмигрантская лира», «Кольцо А»...

Там, на кладбище — не они вообще

* * *

Гляди: тут осень, ночь и гаражи,
чего ещё ты просишь — расскажи,
о чём тебе убийственно мечталось?
Какая здесь высокая трава!
Всего лишь шаг — и ты опять жива,
как будто смерть вообще не начиналась...

Сейчас тепло, но завтра ровно в семь
на город холод спустится совсем,
начнётся серость, старость или слякоть,
но эта ночь, как рельсы в темноту,
мы помнили тебя другую — ту,
которая ещё умела плакать.

Ну так поплачь, мы смотрим с высоты,
как ты бредёшь — опять другая ты,
мы шепчем, что кончается дорога.
Мы шепчем, что тебе уже пора,
и в тишине гаражного двора
ты думаешь, что слышишь голос Бога.

* * *

Памяти морской свинки по имени Сафиза

Прости меня, Сафиза, — все умрут,
Двулапым свет в тоннеле брызнет искрой.
У особой поменьше свой маршрут,
Но тоже замечательный и быстрый.

Как лапками ты не перебирай,
как мордочкой в матрасик свой не тычься,
за прутьями сияет скорый Рай,
где коготки прилежно будут стричься,

где никогда не заболит живот,
и где дадут сенца любой раззяве.
Скачи в опилках, но уже вот-вот
тебя обнимет главный твой хозяин.

Никто из тех, что носом вертит тут,
не избежит печального сюрприза.
И свинки, и несвинки — все умрут.
Мы все умрём. Прости меня, Сафиза.

* * *

Там, на кладбище — не они вообще,
а они теперь — возле пастбища,
очень светлый луг — посох стук да стук,
и растёт полынь или дикий лук.

И большой пастух — он такой большой —
разливает всем молока ковшом,
и такой большой этот общий ковш,
им до слёз смешно, как ты слёзы льёшь.

В этот мой рассказ не поверить здесь:
доказательств нет, ожиданье есть.
Но всегда вон тем не хватает тех...
Не ищи в земле — посмотри наверх.

ГЕЛЕНА

не гуляла б гелена над старым оврагом
говорят, воротились оттуда не все
но гелена шагает опасливым шагом
и боится гусей

как по краю-по краю, по самому краю
ходят белой цепочкой, дрожащей строкой
и гелене страшна и понятна игра их
гоготов над рекой

пастушок не играет на чёрной свирели
на застывшем челе увядает веночек
и гелена идёт через сосны и ели
и выходит без ног

там землёй и малиной так сладостно пахнет
и прощально играют в траве стрекачи
деревянный гусятник готов и распахан
для гелены в ночи

и она уже больше не плачет, не трусит
и снимает рубашку и машет ему
слышит хлопанье крыльев и плеск — это гуси
уплывают во тьму

РОССИЯ ТЕРЯЛА УКРАИНУ МУЧИТЕЛЬНО:

ЗА КУЩЕТАМИ РАСПАДА

(Окончание. Начало в № 43)

В свете распада СССР как-то забыли, что Крым проголосовал за выход из Украины ещё в январе 1991 года. Тогда в Крымской области Украины прошёл референдум, на который был вынесен вопрос о воссоздании Крымской автономной Советской Социалистической республики как субъекта СССР и участника Союзного договора. «За» высказались 93% жителей.

Крым хотел обрести статус республики и напрямую подписать новый Союзный договор, обещанный Горбачёвым. Киев оценил опасность, Крымскую область преобразовали в республику Крым, но этим и ограничились. В Москве крымчан никто не поддержал.

Во времена Ельцина зарождающемуся классу российской буржуазии было не до Украины. Ярче всего это проявилось в отношении к первой Крымской весне.

– Уже к 1994 году русское население Крыма «наелось» украинской незалежности, – рассказывает Затулин. – Тогда дошло до того, что назначенный гетманом Войска Запорожского Владимир Мулява требовал от офицеров, которые проходили аттестацию в Вооружённых силах Украины, отвечать на вопрос, готовы ли они воевать с Россией.

В 1994 году в Крыму были организованы первые президентские выборы, на которых победил Юрий Мешков. Вскоре на выборах в Верховный Совет Крыма подавляющее большинство голосов получил его блок «Россия». Это была первая «Крымская весна», которая развивалась по восходящей. Дело дошло уже до формирования собственных вооружённых сил и милиции. Но в этот момент официальная Москва отвернулась от Мешкова и фактически отказала «Крымской весне» в поддержке, ограничившись присылкой группы советников во главе с Евгением Сабуровым, который фактически возглавил местное правительство.

Киев тогда просто обрезал Крыму финансирование. Мешкову требовались совсем небольшие деньги на зарплату собственным правоохранительным органам, но РФ денег не дала. В результате «Крымская весна» провалилась.

17 марта 1995 года всенародно избранный президент Крыма Юрий Мешков был свергнут. В этот же день, только уже в 2014 году, во время второй Крымской весны, мы беседовали с ним в Симферополе. «Тогда в Крыму высадились спецназ СБУ, армейский спецназ, – вспоминал политик. – Захватили здание Верховного Совета Крыма, где была моя резиденция. На каждом этаже установили по пулемёту, а со мной было только несколько человек из личной охраны...

Государственный переворот, Конституция устранена, должность президента ликвидирована... Это была операция Марчука, тогдашнего главы СБУ».

Мешков отказался покинуть свой кабинет и тогда сбушники подмешали ему в еду отраву. Выжил он чудом. Кстати, произошло всё это при очередном «большом друге» России – президенте Кучме. Есть мнение, что «добро» на введение украинских войск в Крым и расправу над Мешковым Кучма получил от тогдашнего президента РФ Бориса Ельцина.

Леонид Кучма сменил Кравчука на посту президента Украины на досрочных выборах в 1994 году.

– В РФ тогда исподволь активно поддерживали Кучму, считали, что с ним, в отличие от двуличного Кравчука, удастся договориться, – вспоминает Константин Затулин. – Бывший директор «Южмаша», лауреат Ленинской премии считался «пророссийским».

Мешков тогда сделал большую ошибку: Крыму вообще не стоило участвовать в выборах президента Украины. Официальная Москва занималась своими делами и больше всего хотела, чтобы Крым не мешал ей дружить с Киевом. Дружба с Украиной должна была принести дивиденды конкретным людям, которые там владели заводами и газопроводами. Дело вели к тому, чтобы подписать с Украиной Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве, а Крым стоял на пути. В 1995 году Мешкова свергли. Крымский вопрос пропал из актуальной повестки дня.

– И после этого созрели условия для того, чтобы подписать Большой договор?

– Они окончательно созрели к 1997 году. Причём этот Договор существовал на бумаге в неизменном виде с 1992 года. Он даже не правился.

Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве с Украиной на самом деле был договором о границах. Россия должна была признать административную границу между УССР и РСФСР в качестве государственной границы между РФ и независимой Украиной. Вот почему Киеву так важна была подпись Москвы под этим документом.

31 мая 1997 года Большой договор был подписан. Также были подписаны и базовые соглашения по Черноморскому флоту. Однако украинская сторона опять попыталась словчить и не хотела ратифицировать соглашения по флоту. За ратификацию Большого договора в РФ выступала как власть, так и оппозиция в лице КПРФ. Коммунисты считали, что эпоха Ельцина заканчивается, и к власти как в России, так и на Украине вскоре придут здоровые силы, которые между собой договорятся.

– В чём состояла тогда ваша позиция?

– Я возражал против этого Договора. Я считал, что мы должны поставить Киеву свои условия: сделать русский язык государственным, подписать с Крымом и Севастополем федеративный договор, тем самым положив начало федерализации Украины. Но договор был ратифицирован Госдумой и поступил в Совет Федерации.

Тут в дело вступил мэр Москвы Юрий Лужков, и процесс затормозился. Но Евгений Примаков, на тот момент глава правительства РФ, и министр иностранных дел Игорь Иванов выступили за ратификацию. Правда, Примаков сумел выторговать у Киева уступку: он добился, чтобы вместе с Договором украинцы ратифицировали и соглашение по флоту. После этого Договор был ратифицирован в Совете Федерации. Это была одна из крупнейших наших ошибок.

– Почему, как вы думаете, делались подобные ошибки? В чём их главная причина?

– Главным в эти ельцинские годы было абсолютное непонимание национальных интересов России. Всё сводилось к интересам новых хозяев и судьбе газопровода. «Газпром» вёл совместный бизнес с «Нафтогазом Украины». На этом дешёвом газе создавались капиталы Пинчука, Ахметова и прочих украинских олигархов. Они делились с российскими партнёрами. А люди, которые понимали, что там происходит, объявлялись маргиналами, противниками российско-украинской дружбы.

«Не спрашивай, по ком звонит колокол», – писал английский поэт Джон Донн.

Звон колокола на Украине уже давно превратился в набат, а российская политэлита всё терялась в догадках: по ком же он звонит?

А на Украине происходили интересные процессы. В частности, вся гуманитарная сфера каким-то непостижимым образом оказалась под контролем националистов. Это произошло при «пророссийском» президенте Кучме.

О том, как это случилось, мне в своё время рассказывал экс-советник Кучмы Владимир Малинкович: «Кучма хотел сохранить экономику Украины, её тяжёлую промышленность. Тогда вся Россия была в руинах, но Украина особенно, потому что у неё была самая энергоёмкая промышленность: кораблестроение, ракетостроение, танкостроение, металлургия.

Сбывать продукцию было некуда. Наполнять бюджет было нечем. Нужны были деньги, а они поступали от криминального первичного накопления капитала. Кучма закрыл на это глаза.

Деньги пришли от олигархических кланов, которые управляют страной по сей день. Эти деньги позволили сохранить тяжёлую промышленность и лучшие кадры страны, которые работали на этих заводах. За это Кучма заплатил тем, что позволил олигархам стать олигархами.

Для принятия необходимых законов ему нужна была поддержка в парламенте. Левые были против его политики. Он был вынужден обратиться к «Руху». За поддержку «Руха» в экономических вопросах он заплатил тем, что отдал ему идеологию. Националисты занимались активной украинизацией и в течение 10 лет похоронили русское образование в Украине. Тем временем в РФ произошла смена власти.

Леонид Кучма, получивший второй президентский срок на очень неоднозначных выборах (было много разговоров о фальсификациях), попал под прессинг со стороны американцев, которые подготовили ему замену в лице Виктора Ющенко и настойчиво порекомендовали назначить его премьером. После этого началось активное выдавливание Кучмы из президентского кресла (кампания «Украина без Кучмы», дело Гонгадзе, процесс Лазаренко в США).

После того, как от России добились признания границ Украины, прописав их в Большом договоре, такой политик,

как Кучма, пытающийся усидеть на двух стульях, стал Западу не нужен. Украину должен был возглавить полностью «свой», абсолютно прозападный политик.

– В этот момент Кучма в поисках союзников не мог не опереться на Путина, как на единственного, кто мог ему оказать поддержку, – вспоминает Затулин, – Путин этим воспользовался. Возникло впечатление, что мы можем путём союза с попавшим в изоляцию Кучмой противостоять попыткам Запада подчинить себе Украину.

Это в принципе правильное решение было, однако, плохо реализовано. Мы слишком доверяли украинской стороне. А Кучма вёл с нами двойную игру. Схема, которую он пытался реализовать вместе с главой его администрации Медведчуком, состояла в том, чтобы против Ющенко выставить Януковича со всеми его изъянами. В результате будет пат и оба будут вынуждены пасть в ноги Кучме. Пат действительно возник, но дело кончилось третьим туром. Проблема была и в том, кто с нашей стороны был ответственным за политологическое сопровождение этой кампании на Украине (политтехнолог Глеб Павловский).

– Вы, кажется, тоже работали с Януковичем?

– Мне на короткое время – в 2005–2006 годах – дали возможность принять активное участие в проведении нашей линии на Украине. Я могу поставить себе в заслугу то, что в марте 2006 года на выборах в Верховную Раду «оранжевые» проиграли. А за полгода до этого развалилась «оранжевая» коалиция.

Я с Януковичем весь тот период до выборов в Раду был очень близок и оказывал на него влияние. Но с одной стороны я, а с другой – Пол Манафорт (*американский политконсультант – М.П.*), которым Янукович очень дорожил, потому что через него он надеялся быть услышанным в США. Он всё время посылал Западу сигналы.

Тем не менее, результат был достигнут. Нам удалось возродить Партию регионов из пепла, в котором она оказалась после Майдана. Но вскоре выяснилось, что старая болезнь никуда не ушла, что наша власть по-прежнему не желает работать с населением Украины. Договаривались с Януковичем, с олигархами, которые его окружали, и думали, что этого достаточно.

Янукович, победив на президентских выборах в 2010 году, стал заниматься тем, чем он и занимался: идти на Запад, пытаться втирать нам очки и грабить бюджет Украины, продолжая предательскую политику Кучмы.

– Известно, чем это для него закончилось в 2014 году. Стала ли Россия разборчивее в выборе союзников?

– Подход не изменился. До начала специальной операции благодаря поддержке самых высших сфер РФ главным пророссийским оппозиционером на Украине числился Виктор Медведчук. При всём к нему уважении, это человек без принципов, который, по моему личному убеждению, просто оказался вытеснен в «пророссийскую» нишу, поскольку никаких других возможностей существования в политике он не имел.

Медведчук – абсолютная антиперсона на Украине. Но мы делали всё, чтобы именно Медведчук выглядел нашим главным союзником.

А сейчас настал момент истины. Где дружественные России силы на Украине? На что тратились все те ресурсы, которые из наших рук получал Медведчук, чтобы вести там работу? Конечно, чего можно было достичь с такими союзниками, как Янукович и Медведчук?..

«Московский комсомолец»

Великий русский писатель Виктор Астафьев как-то очень метко сказал:
«Кто замалчивает правду о войне минувшей,
тот готовится войну будущую».

ЗАСЕКРЕЧЕННАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало в № 43

Сегодня мы продолжаем публиковать материалы из далёких сороковых, чтобы знать, как было на самом деле... Думайте, прежде чем делать скоропалительные выводы.

Геннадий Майоров

*Выдержки из ДНЕВНИКА старшего ефрейтора 5-й роты 35 МП (25 МД) Германа ШВАРЦА
Полевая почта № 07540 Б*

На первой странице помечено: "Прошу обратить внимание на оборотную сторону листа".

На второй странице надпись: "В случае моей смерти, прошу отослать этот дневник по следующему адресу: Фрейлен Мария Стеле. Донауэншинген, Карлштрассе, 12."

30 сентября 1941 г.

Как стало известно, направление нашего маршрута, в результате невозможных дорожных условий, изменено. По этой причине мы должны сегодня порядочное расстояние опять проехать назад.

В 6.30 поехали дальше, т.е. мы стояли 2 часа на сельской дороге, потому что на перекрёстке, лежащем посредине деревни, образовалась пробка.

Мы недолго ехали в машинах, вскоре нам пришлось вылезать из них и вытаскивать их из грязи. И так без конца продолжается в строгой последовательности: сходим, садимся, толкаем. Мы едем такое же расстояние назад, что и проехали вперёд.

Из частной обстановки мы узнаём от вахмистра селения, который прибыл с передовых позиций, о том, что русские предпринимают контрнаступление и что наш 3-й батальон находится действительно на марше. Он даже утверждает, что дорога каждая минута и что мы должны быстро повернуть назад. По-моему он несколько преувеличивает. Однако действительно совсем близко слышен шум боя.

Из общей обстановки стало известным, что данная нам задача – очистить указанный нам участок и затем продвигаться дальше в направлении Москвы – из-за дождя и связанных с этим плохих дорог, не осуществима.

Мы едем теперь назад к хорошей для движения дороге, находящейся в 15 км отсюда, чтобы по ней в течение нескольких дней подойти к Москве.

В битве за Москву на нас возлагается задача лишь обстреливать.

В 13.30 мы прибываем в (пропущено). Дождь всё продолжает идти. Мы высаживаемся и располагаемся по квартирам. Мы проехали примерно 200 км. Хозяин дома в мировую войну был в германском плену. Должно быть, ему не плохо там жилось, потому что он нам рассказывал всё в великодушном тоне.

Мы рады тёплой и сухой квартире. Когда с наступлением сумерек получаем приказ на марш для занятия какого-то охранения, наши мечты о сне рушатся.

Мы достали себе крестьянскую повозку и выехали.

Нам предстоит охранять высоту у (пропущено), вернее этот населённый пункт. Предстоит ночной марш со всеми пакостями. Дорога стала вязкой, глубоко утопаешь по ней. Не видно, куда попадаешь. Надо ещё принять во внимание, что мы не отдохнули.

Через час мы прибыли. Наш взвод образует красивое каре у зенитного орудия. Слава богу, ночью не было дождя.

1 октября 1941 г.

На рассвете двигаемся дальше. Наш взвод имеет задачу: выдвинуться вперёд на 4 км в качестве разведдозора, занять высоту, если там нет противника. На противника не наступать, ибо мы сами потеряли связь. Мы не знаем, что делается справа, слева и впереди нас. Наша рота находится в 4 км позади нас.

Тем временем проникла весть о том, что 3-й батальон прорвался из окружения, но без машин. Все машины 3-го батальона могут считаться пропавшими.

119-й ПП также окружён. К вечеру услышали, что 1-й батальон получил возможность прорваться, но он также должен оставить все машины. Как обстоят дела у нас самих, никто не знает, говорят, что вокруг нас фронт. Однако, когда к вечеру 60-й ПП устанавливает с нами связь и переходит с нашего правого фланга в наступление, самый критический момент для нас надо считать преодолённым.

В 17.00 мы возвращаемся к своей роте. Мы занимаем восточный край обороны. Здесь должна также проходить оттянутая назад главная линия сопротивления. Нам пришлось два раза рыть щели, пока попали на настоящее место. Мы достали по пути соломы, и мне было уже относительно тепло, когда нам доставили и вручили одеяла.

2 октября 1941 г.

Во что мы уже не верили, произошло сегодня. Сегодня прекрасный солнечный день, без отвратительного ледяного ветра, и можно даже погреться на солнце. В полдень небо покрылось несколькими облаками, но было относительно тепло.

С наступлением сумерек мы оставляем нашу позицию и передвигаемся на 3 км к западу. Направление: на возвышенность, через реку. Главная линия сопротивления должна быть снова перенесена, река должна служить границей, потому что противник ожидается с правого фланга. 2-й взвод остаётся в качестве передового отряда.

Когда мы заняли свою новую позицию, мы увидели на участке нашего 119-го ПП яркий фейерверк. Как позже мы узнали, это русские наступали при поддержке танков. Но наши храбрые солдаты 119-го всё же отбили атаку.

Фронт опять проходит вокруг нас. Кольцо довольно маленькое, так что, если русские будут наступать с востока, то со своей артиллерией как спереди, так и сзади, они смогут достичь нас. Лишь в южном направлении остаётся свободный проход.

По причине больших потерь в машинах, курсируют невероятные предположения о дальнейшем применении нашей дивизии. Мы больше не обладаем подвижностью. Моторизованное подразделение, которое не располагает средствами передвижения, не может существовать.

Некоторые острят, что командир дивизии сказал, будто дивизия 10.10 отправляется на родину. Ваша задача выполнена, продолжают они. Наша последняя задача: сковать противника в том месте, где мы находимся в настоящее время с тем, чтобы он не смог притянуть для подкрепления силы, для боя за Москву, который начался 2 октября в 2.00. О потерях в машинах нашей дивизии объявлено уже официально. Я сам имел возможность прочитать один дневной приказ по дивизии, в котором указывается, что 3-й батальон 35-го мотодивизии полка, 2-й и 3-й батальоны 119-го МП и 1-й взвод 35-го сапёрного батальона потеряли все свои машины. В приказе призываются подразделения, не имеющие потерь в машинах, сдать излишние вторые шинели, одеяла, бритвенные приборы, бельё, мыло и т.д., т.к. товарищи остались без средств защиты от холода.

В 17.00 приказано быть наготове. Как только стемнеет, мы выступаем. Мы оставляем (пропущено) в западном направлении. Переезжаем через реку, поднимаемся на возвышенность и отходим несколько влево. Всю ночь мы лежим в окопе.

3 октября 1941 г.

Вчера вечером 119-й ПП отбил сильную атаку русских. Они применяли при этом новое, страшное оружие. Речь идёт, по-видимому, о соединённых машинах-миномётах, потому что при падении одного снаряда на участке примерно в 100 метров разрывается одна мина за другой. Выглядит это так, будто всё минное поле сейчас взлетит в воздух. При одном ударе, должно быть, получается 65 выстрелов.

Сегодня уже рано утром нас посетил командир батальона. Он не совсем был доволен нашей позицией и сказал, чтобы мы приблизились к реке. К вечеру мы перебираемся туда. 3-й взвод подходит к реке, в то время, как моё отделение охраняет подчинённый нам взвод станковых пулемётов, расположенный на противоположной возвышенности.

4 октября 1941 г.

Ранним утром мы перебираемся к нашему взводу. Местность совершенно затоплена. Вокруг лес и кустарник. Для того, чтобы иметь поле обстрела, надо вырубить большую часть леса – примерно 1 км. Ещё с одним товарищем я иду в близлежащее селение и организую топоры. Это же сумасшествие! Этими невозможными инструментами мы должны рубить лес. Я сам руковожу работой трёх гражданских пленённых. К вечеру всё же порядочный участок срублен.

Получаем приказ свёртываться. Мы отходим на высоту, на которой вчера располагалось моё отделение и строим там линию обороны. О смене больше не говорят, и это кажется уже неактуальным.

Мы получили массу боеприпасов. У нас бороды, как у подводников.

5 октября 1941 г.

Сегодня ночью русские пытались наступать. Виден был яркий фейерверк. Однако при этом ничего не случилось. Ночь прошла спокойно.

6 октября 1941 г.

Сегодня рано утром совершенно неожиданно прибыла наша смена. Мы почти сожалеем, что должны уезжать, потому что мы построили довольно тёплую соломенную хижину. После долгих поездок взад и вперёд, находим наконец свою роту.

В 13.00 мы уже выезжаем и с темнотой прибываем в Ромны. Мы помещаемся в одном относительно чистом доме.

7 октября 1941 г.

В 6.00 мы выезжаем из Ромны. Едва мы отъехали, как метель снова начала насвистывать. До боли холодно. Через два часа колон-

на останавливается, и мы стоим несколько часов на дороге. Мы мёрзнем, как мокрые собаки. Наконец, поехали дальше. Из-за снега дорога становится как кисель, поэтому в некоторых местах мы выжидаем и исправляем дорогу.

Когда стемнело, мы разместились в (пропущено).

8 октября 1941 г.

Наш 3-й батальон должен был в Ромны идти пешком. Там, как предполагалось, его сделают моторизованным, насколько этого позволят возможности. Также 2-й и 3-й батальоны 119-го ПП.

1-й батальон 119-го ПП придаётся нашему полку в качестве резерва 3-го батальона. Согласно этому, 7, 8, 3 и 5-я роты становятся полностью моторизованными. Дивизия имеет ещё способный к бою полк, которому уже предстоит, вероятно, выполнить ещё одну задачку.

Мы, как видно, являемся резервом резерва и движемся в направлении Москвы.

9 октября 1941 г.

Вчера мы весь день провели в (пропущено). Мы располагались в амбаре. Мы должны обеспечить охранение, потому что в этой местности противник каким то образом прорвался из окружения.

В 23.30 начинается дождь.

10 октября 1941 г.

Днём дождь сменяется настоящей метелью. Это настоящая оттепель. К полудню погода значительно прояснилась.

В 17.00 мы выезжаем в город, находящийся в 6 км отсюда. Там мы располагаемся по квартирам.

В течение ночи погода становится исключительно ясной. Прекрасное небо, но одновременно ужасно холодно.

11 октября 1941 г.

В 4.00 мы высакиваем из "перин". Галопом бежим к машинам. Мы проезжаем через (пропущено) в направлении, в котором мы ехали вчера. Едем до окраины города, высаживаемся, освобождаемся от имущества и идём дальше пешком. Что-то случилось? Так постепенно мы узнаём, что русские сильным соединением прорвались и находятся уже в населённом пункте (пропущено).

В 500 метрах перед окраиной города строим нашу линию обороны. Местность для этой цели исключительно болотистая.

Мой капрал, я и ещё один солдат идём в разведку. Мы продвигаемся до ближайшей высоты. Кроме нескольких полос дыма, ничего не видно. Время от времени слышатся отдельные ружейные выстрелы. Было около 8.00 утра, когда был получен приказ сниматься с позиций. Мы идём неохотно, так как нам хотелось бы здесь встретить русских. Слышится треск немецких пулемётов и выстрелы противотанковых орудий. Противник, кажется, уже отброшен. Мы получаем новую задачу.

В лесу, на расстоянии примерно 15 км укрепился противник численностью около двух армий. Он в разное время предпринимал уже несколько попыток прорваться. Мы должны охранять, а в случае необходимости, оборонять.

Нам дан довольно большой участок. 3-й батальон должен располагать 15 отделениями. В нашем батальоне, должно быть, тоже не больше этого.

Мы едем до (пропущено). Там мы сходим с машин и дальше идём пешком. Дорога не поддаётся описанию. После 10 км пути мы прибываем в (пропущено). Мы ждем темной ночи. Опять идёт снег. К счастью, мы можем расположиться в квартире.

12 октября.

В 5.00 – выступаем. Мы отправляемся в разведку.

Задача установить: имеется ли в лесу, расположенном перед нами, противник, если нет, то мы должны проникнуть к следующему селению и установить, свободно ли оно от противника; достичь следующей высоты, избегая соприкосновения с противником, выяснить, имеет ли противник намерения наступать, думает ли он обороняться, или хочет отступить!!!

Должна быть установлена также численность противника.

Для огневого прикрытия нам даётся две батареи артиллерии и тяжёлых миномётов.

Когда мы осторожно, озираясь по всем сторонам, крались по незнакомой безлюдной местности, мы вспомнили о том, что сегодня воскресенье.

Подул слабый ветерок. Каждый думает о доме. Я думаю о том, что, возможно, как раз сейчас мои родные находятся в церкви и молятся господу богу о том, чтобы я возвратился здоровым домой. Сознание, что дорогие люди со всем сердцем в этот час с нами, наполняет меня хорошим чувством уверенности и безопасности.

О противнике ничего не слышно. Мы прибываем в одно селение, оно также свободно от противника. Но это не тот пункт, который нам нужно. Мы идём дальше. После 3 км пути, опять населённый пункт. Осторожно, мы приближаемся – ничего! Мы входим в первый дом. Гражданское население говорит, что русские отступили дальше.

Я захожу в ближайший дом, чтобы организовать хлеб. За столом мирно сидят два русских солдата, их ружья стоят у стены. Они ничуть не испугались и не были удивлены. Они охотно идут с нами.

Затем из домов вышло добровольно ещё несколько человек. Они были уже без оружия. Они охотно сдались в плен. Мы собрали 29 человек, затем мы пошли обратно.

В 11.00 мы снова возвращаемся в (пропущено).

У меня настоящий рай для вшей. Всё моё тело искусано. Оно выглядит так, будто оно покрыто сыпью.

13 октября 1941 г

Снег выпал уже глубиной 20 см. В 12.00 совершенно неожиданно прибыла наша смена. Это берлинская пехотная дивизия.

В 14.00 выступаем. Мы двигаемся назад по старой дороге до (пропущено). Дорога так размокла, что машины не могут по ней идти, поэтому мы идём около 10 км назад.

В (пропущено) мы расквартировываемся.

Ходят нелепые слухи о том, что Москва пала. Будто Сталин застрелился, а Молотов ходатайствовал о переговорах со ставкой фюрера. Война на востоке, якобы, в общем и целом закончена. Фюрером получены со всего мира поздравительные телеграммы с победой. Наша дивизия будто должна быть погружена и отправлена на родину. Эти слухи нельзя проверить. Из авторитетных источников узнать ничего нельзя.

15 октября 1941 г

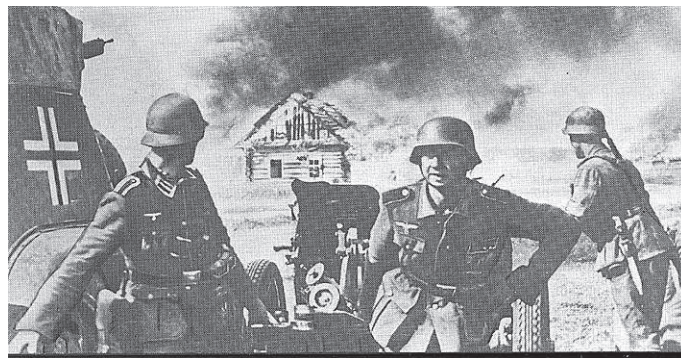
Сегодня с нами разговаривал командир батальона. Он сразу разбил все слухи о возвращении на родину. Он разъяснил также положение, в котором мы находились в последнее время. Мы боремся до победного конца.

22 октября 1941 г

В 18.00 уже ночь. Свет имеется лишь в ограниченном размере, поэтому большинство с наступлением темноты вынуждено ложиться спать.

Ведётся борьба с насекомыми: клопами, блохами, вшами, однако успех в этом незначительный.

Путь для подвоза снабжения всё ещё не открыт. По этой причине с продовольствием туго, и оно однообразно. Так что приходится заниматься самообеспечением. Картофель, приготовленный в разных

видах, составляет главное питание. Время от времени мы должны доставать себе кур или гусей. Иногда добываем и мясо.

24 октября 1941 г.

Вчера вечером было совещание у командира дивизии. Все напряжённо ожидают. Сегодня утром узнали отдельные подробности. Рассказывают, будто Тула будет целью наступления нашей дивизии. Прежде всего мы должны добраться до Орла, пусть это будет на крестьянских подводах, тем более что весь наш тыл вместе с долгожданной почтой находится в Орле. Поэтому нам необходимо приготовить крестьянские повозки для возможного пешего похода.

С таким же вздохом рассказывают нам об установлении строгой дисциплины, безупречных приветствиях и осмотрах. Кроме этого подыскивается стрельбище. За каждый проступок угрожают арестом.

Мы как раз были на взводных занятиях, это было примерно в 11.00 – (ничего другого не слышим, как арест, петля, виселица), – когда пришёл связной и сообщил, что в 12.00 мы выступаем, вероятно на машинах. Маршрут – Орёл.

В 14.00 мы выехали. Отъехали от Севска 15 км в северном направлении. Затем остановились. Мы удивлены, почему не едем дальше. Местность: Юшино.

25 октября 1941 г.

Обстановка очевидно снова резко изменилась. Говорят, что мы здесь останемся на 4 недели. Во всяком случае для нас Орёл и Тула как в воду канули.

Создаётся впечатление, что сверху вниз распространяются нарочно различные слухи или – высшее командование само не знает, что происходит. Возможно, что эти дни явились и для них неожиданностью. Поэтому я уже давно перестал верить тому, что сообщается официально и неофициально, а я себе создаю своё собственное мнение. Так, я не верю тому, что мы этой зимой вернёмся на родину. Поход в Россию, по-видимому, не может быть окончен в этом году, так что он будет продолжаться в ближайшую весну.

Я даже предполагаю, что нас готовят здесь для Кавказа, Ирана и Ирака. Даны большие заявки на транспорт и предметы снабжения. Совершенно невозможно, чтобы дивизии, не участвующие в боях, были на зиму отправлены на родину с тем, чтобы весной возить их обратно. Русская железнодорожная сеть недостаточно густа для этого, тем более, если принять во внимание невероятное количество войск, которое теперь находится в России.

Наконец, ведь необходимо будет перевозить отпускников.

8 ноября 1941 г.

За это время повторялись неоднократные приказы об отъезде, но они не могли быть выполнены из-за длительной оттепели.

Мы можем ехать только тогда, когда хорошо подмёрзнет, поэтому были удивлены, когда мы сегодня в 10.00 действительно выехали, несмотря на плохую погоду. Случилось то, что и можно было ожидать.

С трудом проехали 15 км. Наступила ночь. Останавливаемся. Жилищные условия не поддаются описанию. Повсюду бедные и грязные хижинки. Нас поместили в помещение, в котором и днём темно. Окна только частично застеклены, недостающие стёкла заменены мешками. В доме глиняный пол, замечательный горный ландшафт.

О вони я совсем не хочу говорить. Печь дымит, когда её затапливают. Прёт со всех щелей. Вся обстановка состоит из одной старой скамьи, покрытой толстым слоем штукатурки, которая спадает со стен и с потолков, и одного шатающегося стола. Крышка стола состоит из отдельных досок.

На полу валяется немного картошки, свёклы и несколько головок капусты, кроме грязи больше ничего нет. Обстановка в высшей мере экономна и проста.

Семья состоит из двух старых женщин, одного старика, который еле держится на ногах и, вполне понятно, кучи детей. При этом они ещё совсем маленькие. Я чертовски заинтересовался, откуда собственно говоря, берутся эти дети. Женщины здесь действительно "страдают" удивительной плодовитостью. Кажется, что старость не приносит никакого ущерба их плодовитости.

Цивилизованному человеку нельзя себе представить жизнь в таком свинарнике.

Для меня немецкая овчарка более высокое существо, нежели эти русские.

9 ноября 1941 г.

Сегодня 9 ноября и воскресенье. Снежная буря. Строим дорогу. Наезженная колея выравнивается. Но так как почва ещё не замёрзла, то наша работа держится до тех пор, пока не проезжает очередная машина, которая оставляет за собой следы, как после пахоты.

Вся работа таким образом бесполезна. Я не могу удержаться от смеха, когда авторитетные господа руководят работой с очень серьёзным видом и совещаются между собой. По их лицам видно, что они убеждены в большой важности нашей работы. Там, где имеется яма или углубление, её заполняют грязью с тем успехом, что очередная машина застревает в ней по настоящему. Колёса не находят в этой грязи никакой опоры. Это не останавливает нас от того, чтобы опять не заполнять эти ямы.

12 ноября 1941 г.

Мы очень обрадовались, когда утром пришёл приказ на марш.

За полчаса до объезда с нами ещё проводили строевую подготовку. Ночью было очень холодно, морозит. Несмотря на то, что мотор работал целый час, вода замёрзла сразу, как только мы её налили в радиатор. Необходимо было снова разогреть машину и только в 13.00 выехали.

Около 16 часов, это было за 4 км до местонахождения нашей роты, испортился ручной тормоз. При свете карманного фонаря и при ледяном холоде отремонтировали тормозные тяги.

Затем попали на плохой участок дороги. Машина застряла. Два человека пошли пешком в роту и привели машину для буксировки. Наконец в 20.00 двинулись быстро вперёд. Остановились в (пропущено).

13 ноября 1941 г.

В 9 часов едем дальше. Холодно. На машине можно замёрзнуть. Двигаемся быстро, со скоростью 60-80 км в час. В (пропущено) занимаем квартиры. Уже давно не были в сравнительно приемлемом помещении.

Вечером я стал палачом двух нерах, которые не могли удостоверить свою личность.

21 ноября 1941 г.

В 9 утра двинулись дальше. Остановились недалеко от Кром. После долгого перерыва снова красные бомбардировщики.

22 ноября 1941 г.

В 3 часа ночи привезли сект (?), вино, папиросы и т.д.

В 4 часа подъём и в 6 часов отъезд. Вкусные вещи не пришлось ночью отвезать. Жаль хороших папирос.

Едем по хорошему шоссе Орёл – Тула – Москва.

В 11 часов прибыли в Орёл. Это первый город, который я здесь видел и который похож на другие цивилизованные европейские города.

Видны большие постройки в хорошем стиле, в большинстве случа-

ев они сгорели. Через центральные улицы проходит двухколейная трамвайная линия. Проезжаем мимо солдатского кино и удивляемся большому наплыву. Когда мы увидим какой-нибудь фильм? По дороге мы обогнали наши "телегизированные" части. Потрясающая картина. Дрожа от холода, с опущенными головами, они плетутся за своими телегами. Одетые в различные тряпки, которые их защищают от холода, сложно подумать, что перед тобой толпа ландскнехтов. Это шествие замыкалось нашим продовольствием в образе коров и овец.

Машина раскрыта в связи с опасностью воздушного налёта.

При быстрой езде ледяной ветер пронизывает насквозь. Ноги вообще не чувствуются. Едем до 22 часов, проехали 160 км. Разместились в школе. Помещение ещё нужно протопить. Несмотря на это, мы сразу засыпаем, т.к. холод очень утомляет.

23 ноября 1941 г.

В 13 часов переехали в (пропущено), на расстоянии трёх км. Наконец-то в 15.00 пришла кухня и впервые со вчерашнего утра получаем пищу. Квартиры относительно хорошие.

3 декабря 1941 г.

За последние 10 дней мы проделали большой путь назад.

Один день езды, а на второй день партизанская война, затем опять марш. Сейчас мы находимся юго-восточнее Москвы, до которой осталось около 180 км. Маршрут нельзя записать, т.к. он никому не известен. Мне известно название одного города – это Елифань. Около Елифани нас использовали для окружения. В окружении находились три полностью укомплектованные дивизии, привезённые сюда с Дальнего Востока. Ничего особенного при этом не произошло.

Лётчики стали снова активными. Откуда красные достают свои бомбы?

Один раз мы занимали предместное охранение у Дона.

Мы находились в одной деревне в составе двух взводов. За два дня сожрали свинью весом в 2 центнера.

Партизанская война усиливается. Наконец-то берутся за это железной рукой. Уже давно пора. У меня одно сознание: я вспомнил о смерти Эрвина, неужели я тоже так останусь лежать на поле, поэтому я заранее отдаю возмездие в десятикратном размере. Я так озлоблен против этой презренной русской сволочи, что я бы мог их совершенно истребить.

Однажды я стоял на посту. В 2.30 ночи выскочила одна женщина на дорогу, несмотря на то, что им известно, что каждый, кто появляется на дороге после наступления темноты, расстреливается на месте. На мой вопрос она ответила, что несёт воду для немецких солдат, находящихся в её доме. Когда я хотел проверить это обстоятельство, то она закрыла дверь перед самым моим носом и вместе с остальными жильцами подпирала её. Мне удалось вовремя вставить свою ногу в дверь, силой я ворвался в дом. Ясно, что в этом доме не было никаких солдат. Эта женщина отказалась пойти в комендатуру, я тут же расстрелял её.

Через 15 минут я хотел вторично проверить этот дом, но он был замкнут. Мне не открывали. Я тут же поджёл его. На попытки проворваться через дверь, я ответил выстрелом из своего пулемёта-пистолета.

Так сгорело всё это отродье – в доме было ещё 6 человек.

Я уверен, что если бы все так поступали, то партизанская война скоро исчезла бы. Страх перед немецким солдатом должен быть больше, чем страх перед комиссаром. Тогда было бы покончено с партизанами.

4 декабря 1941 г.

Сегодня мы едем дальше. Остановились в нескольких километрах от Венёва. Заметно, что это на подступах к столице. Иногда встречаются довольно приличные квартиры. Вполне человеческие жизненные и квартирные условия.

Как видно, ночью будет ужасно холодно. Поэтому мы были очень довольны, когда достали тёплую квартиру. Мы уже собирались распределять места для ночёвки, как пришёл приказ на марш.

В дороге были большие задержки. Мы мёрзли на машинах, как цепные собаки.

В 24.00 – остановка. Только успели растопить печь и принести соломки, как нам приказали усаживаться на машины.

Проехали 1 час, раздалась дикая стрельба. Сразу спешились. Установили, что наш дозор натолкнулся на противника. Батальонный адъютант направился узнать название соседней деревни, но он был обстрелян. Всё остальное происходило очень быстро.

Наше ПТО сразу подожгло пол-деревни. Русские были частично захвачены врасплох. У одного дома русские поставили для охраны одного гражданского. Мы взяли 30 пленных. Пришлось занимать охранение, что при таком морозе не так просто.

За ночь многие отморозили пальцы ног. Было 32° ниже нуля.

5 декабря 1941 г.

Целый день разведка и охранение. Продвинулись на несколько селений вперёд. К вечеру наш взвод занимал охранение батальона. Всё ещё холодно.

6 декабря 1941 г.

Ранним божьим утром началась бешеная стрельба со всех видов оружия, которая не прекратилась на протяжении всего дня.

Русские наступают на 4-ю ТД, которая занимает деревню слева.

Наступление было отбито, но русские опять наступают.

Неладно. К вечеру шепчутся о том, что у нас не всё в порядке.

В самом деле стреляют со всех сторон. Этот слух усилился, когда вся 4-я ТД отошла.

Наши передовые части уже продвинулись было на 80 км по шоссе Тула – Москва, но вынуждены были отойти, т.к. никто на них не следовал, а русские хотели их отрезать.

Большое количество машин и орудий, а также и танков было при этом потеряно.

Вечером пришёл и для нас приказ о подготовке к маршу.

Все неисправные машины, которые не могут двигаться своим ходом, уничтожаются.

Как видно, мы тоже должны убраться отсюда.

7 декабря 1941 г.

В 4.00 утра получили приказ на марш. Отступление проводится лихорадочно. Наше солдате уже впадает в панику. Каждый хочет со своей машиной удрать первым, поэтому получается пробка и это продолжается ещё больше.

Мы отступили на 15 км и заняли новую линию обороны. Бесконечное число войск проходит назад. Видны тяжёлая артиллерия, зенитные войска всех калибров, броневики, танки, пехотные полки, повозки и т.д. Путь отступления кажется опустошённым.

4-я ТД очень рьяно выполняет приказ об уничтожении всего, что не может быть захвачено с собой.

Полевые кухни, наполненные продуктами питания, дорогостоящие консервы взлетели на воздух.

Тяжёлые, совершенно новые грузовики, четырёхосные броневики, большое количество машин и танков уничтожено. Миллионные ценности взлетели на воздух.

Приказано также сжигать без остатка все оставляемые нами населённые пункты. Вся местность вокруг Венёва должна быть очищена и сожжена.

Это самая жестокая из всех войн, которые когда-нибудь велись. Всё гражданское население лишается крова и пищи и обрекается на замерзание и голод.

Нам, однако, нет основания для пощадности, если подумать, что русские беспощадно бомбят все населённые пункты, в которых размещаемся мы – немецкие солдаты. Если при этом бывают убитые, то это как правило, из гражданских. Они обращаются со своими людьми не лучше, а наоборот могут взять первенство.

8 декабря 1941 г.

В 3 часа утра я уже был в дороге. Машин не хватает, так что часть людей направляется пешком или подыскивает себе средства передвижения.

Дошли до командного пункта штаба полка. Там нас включили в батальонную штабную колонну.

Пыльная снежная метель, от которой не может спасти даже самая толстая шинель.

Мы едем назад в Венёв и больше ничего не знаем. После долгих мытарств остановились в одной большой деревне, в 10 км за Венёв. За последние дни вообще не было никакого питания, а если и было, то в незначительном количестве. Теперь, когда мы отошли от роты, мы всё равно должны сами обеспечить себя продуктами питания, которые здесь в России состоят исключительно из картошки.

9 декабря 1941 г.

Когда мы утром встали, то убедились, что все войсковые части, которые здесь располагались, уже отошли.

Так как никто не может объяснить нам обстановку, то мы сочли самым целесообразным, убраться отсюда.

На трёх санях мы двинулись в путь. Следуем по маршруту 119-го МП. К счастью, встретили по дороге нашу машину с имуществом связи. Они нам указали дорогу.

Моя лошадка не хочет дальше идти, и я слезаю.

Я уселся на машину связи, которая тем временем вернулась назад. Когда мы приехали в роту, то они уже намеревались уезжать.

Все возбуждены. Мой командир взвода кричит мне, чтобы я достал себе машину, т.к. русские наступают. Я опять вскочил в машину связи. Тем временем мы подожгли деревню. Мы едем через (пропущено) до (пропущено), расстояние около 30 км.

Когда я слез с машины, то узнал, что рота занимает оборону в 500 метрах отсюда. Наша рота прикрывает путь отхода 119-го МП, который должен прорваться в другом направлении, так как предусмотренный маршрут занят русскими.

10 декабря 1941 г.

В 3.00 рота тронулась дальше. Соприкосновения с противником не было.

Мотоциклетно-стрелковый батальон был, однако, сильно потрепан русскими...

На этом записи в дневнике обрываются. По всей вероятности, его автор был убит, так как записи расшифровывали наши переводчики: лейтенант Школьник и техник-интендант 1-го ранга Горемыкина.